

ПРОЗА 2018 ГОДА

ОГЛАВЛЕНИЕ:

	<u>Стр.</u>
Ошибка Хведчени	1
Любовь ли?	4
Сто восемьдесят	7
Проклятое место	12
Признание вдовы	15
Валерия и Евгений	17
Ундина	23
Небоскребы села Утятино	29
Преступление в Энске	38
Наташа и Альварес	50

Ошибка Хведчени

Иван Романович Хведченя работал бухгалтером в педагогическом училище города Большие Увалы. Зарплата его была довольно скромной, однако несмотря на это он ухитрялся коллекционировать марки и был одним из ведущих филателистов не только своего небольшого городка, но и всей области.

Однако филателия не была его единственным увлечением. Гораздо больше времени и сил отдавал он своему театральному коллективу.

Этот коллектив был небольшой, но весьма работоспособный. Хотя его состав то и дело обновлялся в связи с окончанием педагогического училища юными актерами.

Постоянный состав труппы представляли собою двадцатитрехлетний повар местного санатория Игорь Бегун, сорокасемилетняя завуч училища Наталья Андреевна Чурилова, медсестра Вера Сухинина. Это были очень разные люди.

Игорь пребывал либо с похмелья, либо выпивши, но проявлял способности недюжинные. Наталья Андреевна всегда была послушна режиссеру и скорее

трудилась, чем играла роль. Вера проявляла инициативу в осмыслении своей роли и всегда была сдержана в исполнении.

В этом году в коллектив влились новые люди после ухода уехавших выпускников училища.

Среди них выделялась несомненным талантом Наташа Вербицкая, девушка с ладненькой фигуркой, милым личиком и умными строгими глазами.

Она покорила сердца зрителей в сценах из "Бориса Годунова" и "Короля Лира".

Николай Бережной, стройный черноглазый юноша, был вторым героем коллектива. В тех же сценах вместе с Наташей они были великолепным дуэтом.

Николай легко перевоплощался и, по мнению Хведчени, мог со временем стать выдающимся мастером сцены.

Разумеется, Наташа и Коля полюбили друг друга. Он попытался поцеловать ее однажды, но вдруг получил неожиданный отпор.

- Ты мне очень нравишься, - сказала девушка. – Очень! Но я позволю тебе целовать меня и ... только, когда мы поженимся. Ты не сердись, так мне родители наказывали. Они строгие у меня.

И она заплакала.

Николай был благородный юноша. Он все понял. И даже извинился. И сказал, что если он на ком-то и женится, то это будет только она, Наташа Вербицкая. И она засмеялась, ее глаза как бы засветились, и она пожала его руку, и так они простояли довольно долго.

Коллектив продолжал работать. Спектакли ставили даже за пределами области. Хведченя этому был рад, а жена его ворчала, так как все хозяйственные заботы доставались ей и только ей.

Скромный и даже робкий в обыденной жизни Иван Романович долго не женился, лишь в тридцать три года свершил он сей подвиг, взяв в жены одну из выпускниц училища, где работал. Присмотрел ее. Разница в возрасте - шестнадцать лет - его не смутила.

Жену свою он ценил, отмечал ее дни рождения подарками и букетами цветов. И она родила ему троих мальчишек, которые в отличие от родителей росли боевыми и худиганистыми, хотя учились все трое неплохо.

Казалось бы, все хорошо в этом семействе. Да, было так. Пока Хведченя не влюбился. И влюбился так сильно, что и сам поразился. Ему уже было пятьдесят семь лет, о пенсии думать надо было бы, а он влюбился. И в кого же? Конечно, в Наташу Вербицкую.

Рагьше он просто восхищался ею, героиней его театра, но тут как-то она прибежала на репетицию с тренировки по волейболу (еще одно из ее увлечений), раздумываясь, с блестящими глазами, в трико, облегающем ее прелестную фигурку ... Он увидел девушку по-новому, он почувствовал себя мужчиной, а не режиссером ... Страсть овладела им в одно мгновение!

Хведченя пытался урезонить свое чувство, изгнать даже его из сердца, но потерпел

поражение ...

На следующий раз после тренировки она прибежала на индивидуальную репетицию по его просьбе. Она не удивилась этому приглашению, так как нередко режиссер оставлял кого-нибудь или даже специально приглашал, чтобы поработать с актером индивидуально.

На эти индивидуальные занятия иногда оставались и остальные актеры, им было интересно наблюдать и учиться. Но в этот вечер все куда-то спешили, словно специально для того, чтобы оставить наедине Ивана Романовича и Наташу. После затянувшейся паузы, в течение которой Хведченя не мог даже слова вымолвить, Наташа спросила встревоженно:

- Иван Романович, что с вами, почему молчите?

- Наташенька, я ... я должен серьезно с тобой поговорить, - выдавил он, наконец, из себя хрипло.

- Я что-то не так сделала? – спросила она еще более тревожно.

- Не ты ... Не ты, а я ...

- Я могу вам помочь?

- Да, только ты и можешь!

И он упал перед ней на колени.

- Иван Романович ...

- Наташенька, солнышко, радость моя, я люблю тебя! Будь моей женой!

- Опомнитесь, Иван Романович, у вас отличная молодая жена и трое прекрасных детей, а я люблю Колю Бережного из нашей группы. Вас я уважаю, но ...

Он стащил вниз ее шаровары и стал целовать ее ножки жадно, от колен все выше ...

Она дрожала ...

- Опомнитесь, Иван Романович! Опомнитесь! Что вы делаете?! Опомнитесь ...

А он уже задрал ее кофту, встав с колен, расстегнув и отбросив лифчик, и целовал ее грудь, ... Он щекотал ее соски языком, прижимаясь к ней, потом начал целовать ее шею жадно.

Девушка сначала сопротивлялась, но вдруг голова ее закружилась, ноги подгибались, она была словно в беспамятстве ... Ей стало казаться, что это любимый Коля Бережной целует и обнимает ее ...

Никогда еще бедняжку никто не целовал, в том числе и суровые родители, воспитывавшие ее в строгости и сдержанности. И это сейчас сыграло роковую роль. Наташа была в полубморочном состоянии. Хведченя положил ее на матрас, поднял ее ножки и вошел в нее. Тут же мощный выброс спермы последовал. Насильник застонал и затих.

- Коля ... Кленька ... Милый, - шептала Наташа.

- Это я, Наташа, я, твой муж Иван Романович, - громким шепотом ответил Хведченя.

- Это вы? Что вы наделали?! Проклятый старикашка! Вы лишили меня невинности! И я еще забеременею! Будьте вы прокляты! Маньяк поганый! Мой

папа вас убьет! Пустите меня! Не касайтесь меня!

- Я люблю тебя, ангелочек мой! Ты не забеременеешь! Выпей эту таблетку – и ничего не случится! Мы уедем отсюда, мой друг по филателии в Москве поможет нам, мы создадим свой театр, ты будешь героиней, театр будет расти, из подвала мы перейдем в новое здание ...

- Перестаньте бредить, проклятый Хведченя! Мне тошно от ваших слов! Давайте таблетку! Воды –запить эту мерзость.

Она с отвращением выпила противозачаточное и выплеснула остаток воды ему в лицо.

- Не сердись, - прошептал он огорченно.

- Вы дрянь! Я уважала вас, а теперь презираю и ненавижу, старый вы подлец! Я расскажу про вас Коле Бережному – и он вас убьет! Ваша жена станет вдовой, а ваши дети – сиротами. Из-за вашей похоти, проклятый!

В этот момент девушка заметила молоток, кем-то забытый здесь. Она схватила его и ударила сластолюбца по виску. Иван Романович рухнул.

- Вставайте, мерзавец! – закричала девушка.

Но он не шевелился. Она пнула его тело ногой. Без какого-либо результата.

Попыталась нащупть пульс. Пульса все не было и не было. Наташа поняла, что убила своего обидчика.

- Тюрьма! – закричала она. – Меня ждет тюрьма! Нет, колония .. На много лет ... Ужас ... Коля, Коля, где же ты? Папа, мама, где вы?

Дикий вой, подобный волчьему, разнесся по залу, вылетел за его пределы ...

20 ноября 2018 года.

Любовь ли?

Григорий Данилович Шумилов был озадачен и ошарашен. Он честно преподавал математику в этом маленьком городке уже три года, все у него было в порядке, даже хвалили его методику на семинаре. И классом своим он руководил весьма успешно. Шумилов был педагог в третьем поколении, и мать его, и дед преподавали математику.

А тут ...

Людмила Кононова, ученица седьмого класса, получила очередную неудовлетворительную оценку, и он ее оставил после уроков. Решил побеседовать и попытаться помочь ей. Вызывать родителей, как ему пояснили коллеги, было бесполезно: алкаши оба.

- Послушайте, Кононова, - начал было он беседу.
- Я люблю вас, Григорий Данилович, - прервала его ученица. - Я не могу ни о чем думать на ваших уроках, я на вас смотрю и ... хочу вас.
- Что это еще?! - возмутился он искренне.
- Я не могу ничего с собой сделать. Я во сне вас вижу. Я наяву ваш голос слышу, когда вас рядом нет. Я ведь не девочка, у меня были ... ну ... мужчины. Мне сейчас четырнадцать. А моя сексуальная жизнь началась, когда мне было двенадцать лет. Не удивляйтесь, учитель. Сейчас вообще все раньше начинается. Вы ведь смотрите телевизор. В интернет ходите. Все было нормально, пока не пошла я в пятый класс. Вы начали преподавать нам. И я влюбилась.

- Кононова, я не ребенок. Я знаю, что ученицы влюбляются в учителей. Это понятно. Потом это проходит. Все выходят замуж и так далее. То, что вы сейчас чувствуете, это иллюзия. К вам еще не пришла настоящая любовь. Вы еще не созрели для этого, поймите.
- Нет, я созрела. Какой у вас рост?
- При чем тут это?
- Какой?
- Сто семьдесят девять. Но это не имеет никакого значения, Вы хотите сказать, что вы тоже высокая?
- Да. Мой рост — сто семьдесят пять. Я на высоких каблуках буду даже выше вас. Посмотрите, какая у меня грудь. Очень красивая, правда ведь? Размер пять. Самое то! А фигура? Бедра, что надо! Плечи мои так хороши!
- Перестаньте себя нахваливать. Как некий товар!
- Вся моя красота — ваша. Все вам принадлежит. Потому что вы — мой милый, мой желанный!
- Прекратите! Не хочу слышать!

Ее лицо сморщилось, исказилось. Она заплакала, плач перешел в рыдания ... Она убежала, хлопнув дверью.
Он почувствовал слабость. Ему было не по себе. Но надо было идти домой. Помочь детям приготовить уроки, накормить их обедом, подготовиться к завтрашним урокам и дожидаться прихода жены. И рассказать ей ... Нет, нет! Она не поймет! Она его же и обвинит! Как хорошо было до сих пор!
Идя домой по дощатому тротуару, он услышал быстрый топот, оглянулся — и встревожился крайне. Это приближалась Людмила Кононова.

- Гришенька, миленький, - прошептала она, задыхаясь от бега или от волнения, - ты не сердись на меня, ты просто пойми, что я тебе люблю. И все! Я больше не буду оставаться с тобой вдвоем в классе. Я ведь понимаю. Я просто провожу тебя до дома. Это ведь делают ученики. Дай мне тетрадки, я понесу. Нет, лучше я уйду, и

мы встретимся вечером на берегу, у переправы. И поговорим. Недолго. Полчасика

...

- Не зовите меня Гришенькой! Я ваш педагог! Извольте обращаться по имени-отчеству и на «Вы»!

- В школе, только в школе. А здесь я женщина, а ты мой любимый мужчина!

- Кононова, сейчас же вернитесь! Это шантаж! Я не пойду к переправе! Вы говорите о какой-то любви. А сами делаете все возможное, чтобы вызвать ненависть к себе. Нельзя так! Уймись, пожалуйста!

- Гришенька, милый, буду ждать. Хоть на пять минут приходи. Всего на пять! Я тебя поцелую — и отпущу. И от тебя отстану. Решайся! Только один раз поцелую! И все, ты будешь снова свободен.

Она круто повернулась — и убежала.

- Как же, побежал я на переправу, - зло пробормотал он и побрел домой, чувствуя крайнюю усталость во всем теле.

- Что с тобой, Гриня? - спросила жена. - Ты не заболел? Поставь градусник!

- Не надо градусника! Я просто дьявольски устал!

Он так и не решился рассказать ей о Кононовой.

На следующий день на уроке математики Людмила плакала, а ее подружки укоризненно поглядывали на Шумилова. Он досадовал, хотел вслух заорать о том, что наглая девчонка его преследует. Но сдержался. После уроков быстренько попил кофе в школьной столовой и пошел в шахматный клуб, где был одним из лучших. Кононова на полпути присоединилась к нему и проводила до входа в техникум, где проходили занятия клуба. Она молчала на этот раз, только вздыхала всю дорогу.

- Слушай, Данилыч, что это за тобой девка длинная бегаёт? Весь городишко уже об этом шепчется. Ты с ума сошел — с несовершеннолетними связываться? - спросил партнер, передвигая пешку с e2 на e4. - А ну если забеременеет?

- Да не пойму я ее! - чуть не криком ответил он. - Я уже и так ей объяснял, и этак, пристала, проходу не дает ...

- Значит, ты подал повод.

- Да не подавал я никакого повода, не подавал!

- Смотри, друг, если ты ее трахнул, то тебе — тюрьма и ... сам знаешь, что делают с такими.

- Да пошел ты! - крикнул Шумилов, смешал фигуры и выскочил из клуба.

Кононова ждала его, кинулась к нему, обняла ...

- Да пошла ты, гадкая, куда подальше! - заорал он, оттолкнув ее с такой силой, что она упала. - Сволочь! Видеть тебя не могу! Тошнит меня от тебя! Дрянь! Дрянь!

И удалился скорым шагом на подрагивающих ногах.

Утром решил подать заявление об увольнении из школы, зашел к директору на

большой перемене.

- Хорошо, что пришел сам, - сказал директор. - А то про тебя ползут такие слухи ... Меня вызывали в отдел народного ... В общем, давай-ка ты увольняйся срочно и уезжай поскорее. Не то попадешь в такое говно ...

- Да, вы правы, я должен срочно уволиться, - бледным голосом подтвердил математик и подал заявление, на которое тут же была наложена резолюция.

- До конца четверти все же тебе придется доработать, - сказал директор. - Осталось две недели. Выставишь всем оценки — и — в путь!...

Прошло несколько дней, Кононовой не было на уроках, по математике за четверть у нее вырисовывалась твердая «пара».

С женой произошло очень некрасивое объяснение, она наслушалась сплетен не поверила в невиновность своего супруга. Очень уж многие и образно ей докладывали о похождениях ее мужа. Дело пошло к разводу. Дети все слышали, они плакали, они не хотели жить без папы или без мамы. Они плохо спали.

Проведя уроки, в тот день Шумилов брел домой. Дощатый тротуар поскрипывал. Вдруг около него остановилась автомашина. Это была роскошная иномарка. За рулем сидел смуглый брюнет явно не русской внешности в сером искристом костюме и цветастом галстуке. Высунулась шикарно одетая Людмила и закричала Шумилову:

-Эй, ты, учительшка! Трус несчастный! Меня не хотел, отверг, любовь мою безответную опоганил. А я вот как в жизни устроилась! Мой муж — миллионер и красавец! Трогай, Роберто!

Машина умчалась. Григорий Данилович стоял, опустив голову. Ему не хотелось идти домой. Ему вообще хотелось уснуть и не проснуться. Он уже не мог даже ненавидеть мерзкую шантажистку.

Чья-то рука легла ему на плечо.

- Прости. Гриня. Я все слышала. Я все поняла. Как же ты, бедный мой, намучился, никем не понятый, даже мною!

Жена повернула его лицом к себе. Он увидел слезы на ее глазах. Это были слезы, ничего общего не имеющие с требованием развода, звучавшим несколько часов назад.

- Знаешь что, Гриня, я когда-то припрятала бутылочку хорошего коньяка на нашу серебряную свадьбу. Давай ее разопьем сегодня. Дело в том, что я сегодня полюбила тебя.

- Ты меня раньше не любила?

- Любила. Но не знала об этом. А теперь знаю.

14 октября 2018 года.

Сто восемьдесят

Виктор Петрович Окунев преподавал географию в средней школе номер сто шестнадцать большого города, стоящего на большой реке.

Ученики любили Окунева за его удивительные рассказы о природе и населении разных стран, об экономике и развитии их и особенно — о России. Любили за необычный способ опрашивать их и за справедливость оценки знаний.

Но была еще одна причина их симпатии: Виктор Петрович участвовал в их концертах, он пел. И голос его, густой баритон, был гордостью художественной самодеятельности школы.

Особенностью его было также явное отвращение к неудовлетворительным оценкам, он их предпочитал не ставить, он ставил в журнале точку, и ученик был вправе пересдать тему.

Расписывался в дневнике Виктор Петрович двумя буквами - «В» и «О». Они при беглом написании давали эффект числа 180, почему и дали кличку Окуневу - «Сто восемьдесят».

Шестиклассник Саша Волков, как и другие учащиеся, рассказывал дома об удивительном преподавателе, поэтому его мать, Татьяна Сергеевна, была удивлена, когда сын сказал ей, что географ просит ее прийти в школу.

- Что ты там натворил, сынок? - встревожилась женщина.

- Ничего я не натворил.

- Почему же меня вызывают?

- Не знаю.

Она пришла в школу рано, взяв на работе отгул. Посидела на математике. Здесь, а затем на уроке русского языка, на физике — везде ее сына специально вызывали к доске, и везде он получал отличные оценки. Что же с географией могло случиться?

И вот урок географии. Окунев вошел в класс и сразу увидел Волкову.

Он кивнул ей, и урок начался. Татьяна Сергеевна была потрясена. Это было совсем не то, что она помнила по своим школьным урокам.

- Итак, начнем, как всегда, с зарядки, - улыбнулся преподаватель.

Волкова ожидала, что дети выйдут из-за парт и начнут делать упражнения, но вместо этого, посыпались вопросы учителя и ответы учеников, один из которых был вызван к столу, чтобы вести протокол ответов.

- Главные озера Северной Америки?

- Верхнее, Мичиган, Гурон, Онтарио, - был ответ одного из учеников.

- Он забыл озеро Эри, - добавил другой ученик.
- Великие реки России?
- Амур, Лена, Енисей, Обь, Иртыш, Урал, Дон, великая русская река Волга, - скороговоркой перечислила одна девочка.
- Осмелюсь добавить, - встал мальчик в очках, - есть еще Нижняя Тунгуска, почти три тысячи километров. Есть Вилюй, Колыма, Оленек, Алдан, Витим, Индигирка, а также река Подкаменная Тунгуска. Россия вообще богата реками.
- Во дает! - прошептал кто-то.

«Зарядка» продолжалась. Озера и реки, вулканы, горные цепи, низменности и возвышенности, крупнейшие города ...

Затем секретарь огласил достижения, оказалось, что восьмерым ученикам можно поставить отличные оценки, трем — хорошие. Класс не возражал, никто не требовал оценки и себе.

Дважды за это время ловила женщина на себе тревожный взгляд Окунева и в ответ поощрительно ему улыбалась, после чего он как бы мрачнел и тихо вздыхал.

- Неужели его так беспокоит мое мнение об этом прекрасном уроке? - поразилась она.

Ей в голову не могло прийти, что причина сдерживаемых вздохов — иная. Преподаватель перешел к изложению новой темы. Это было так интересно, что Волкова увлеклась не меньше, чем ученики. Особенно интересны были короткие фильмы, заснятые им самим во время путешествий. От сына она знала, что автоматические шторы на окнах, слайды, фильмы и вообще вся техника географического кабинета — дело рук самого преподавателя. Здесь все это Волкова сама увидела в действии.

Звонок на перемену не вызвал радости у детей, скорее — наоборот.

- Мне мой сын сказал, что вы меня пригласили. Что он натворил?

- О, да, он натворил. Я дал ребятам задание — написать о строении Земли. Он выдвинул интереснейшую гипотезу о составе земного ядра и соответственно о происхождении Луны и Земли. Мальчик необычайно одарен. Его надо бы представить ученым мужам высокого ранга. Я вас поэтому сюда и пригласил. Ему не надо пока об этом говорить, конечно. Но задуматься об этом уже пора. Я приглашал обоих родителей. Почему отец не пришел?

- У него нет отца. Мой муж погиб при испытании нового самолета, когда Саше было три годика. Я любила его, сильно любила. А теперь все перенесла на Сашу. У нее на глазах выступили слезы.

- Простите. Я не знал.

Возникла пауза. Татьяна Сергеевна разволновалась, вспомнив единственного

мужчину своей жизни, а Окунев побледнел и как бы сдерживал какую-то фразу. Все же сказал.

- Послушайте, сегодня у нас будет концерт, - осипшим голосом выдал из себя.

- Там ваш сын будет читать стихи. И вести концерт — тоже. И я ...

- Почему вы запнулись?

- Понимаете, я тоже участвую, буду петь. Но вряд ли вам это интересно. Простите.

- Я приду, - сжалась она над ним. - Мне интересно, как Саша выглядит в роли конференсье. И ... и как вы поете — тоже.

Она сдержала слово.

Окунев обрадовался, увидев ее, пересадил ее из дальнего ряда в четвертый и ушел за кулисы. Здесь она обнаружила, что сидит рядом с известным актером, засмушалась.

Начался концерт.

К ее изумлению и радости сын вел программу превосходно. Вел очень строго и в то же время красиво. Несколько раз удачно пошутил. Она была горда. Хотела сказать соседу, что это ее Саша, но сдержалась.

Но вот он объявил самого себя. Она заволновалась, покраснела, побледнела. Юный Волков читал монолог из поэмы Михаила Лермонтова «Мцыри».

- Хорошо юнец декламирует, - сказал актер. - Логично, эмоционально. Вот только паузами не умеет еще пользоваться.

Она запомнила: передать Саше.

- Николай Листов, «Я помню вальса звук прелестный». Исполняет Виктор Петрович Окунев, - объявил Саша.

Татьяна Сергеевна не ожидала ничего особенного, но ей пришлось поразиться: пел Окунев отлично.

- Дивный баритон, - обратился сосед к Волковой. - Как легко дает крещендо и филирует! Какая сила голоса! Какое мощное дыхание!

- Рахманинов, «В молчаньи ночи тайной», слова Фета, - провозгласил Саша.

- О долго буду я, - запел Окунев, глядя на Волкову.

- Соседка, он поет для вас, - прошептал актер Татьяне Сергеевне. - Я вас поздравляю.

- Ну что вы, - смутилась она.

- Точно. Поверьте старому актеру.

Еще несколько романсов спел «Сто восемьдесят», получил в награду бурю аплодисментов. Теперь уже и Татьяна Сергеевна убедилась в том, что поет он как бы ей одной. Ей стало не по себе. Она захотела уйти.

Но тут Саша объявил, что концерт окончен. Публика стала расходиться, а Волкова

пошла встречать сына у входа, как договорились.

К ее удивлению рядом с Сашей стоял Окунев.

- Пойдемте, - сказал он, - нам по пути. Я живу немного дальше, чем вы.

Она хотела резко возразить, но тон его голоса сдержал ее: это была робкая просьба.

Снова вспомнилось его пение, адресованное ей. Слова актера-соседа ...

Некоторое время шли молча. И к величайшему удивлению и даже к ужасу женщины общее молчание прервал ее сын фразой, равной взрыву бомбы:

- Мама, Виктор Петрович просил у меня твоей руки, я сказал, что решение — за тобой, но я не возражаю.

- Саша, это только твоя шутка или вы шутите вдвоем с ... с педагогом?

Последнее слово она подчеркнула силой и замедленным темпом голоса.

- Я не шучу, Татьяна Сергеевна, - сказал Окунев - я не посмел бы. Я и в самом деле просил у Саши вашей руки, потому что его решение так же важно, как и ваше. Хотя ваше — это решение моего счастья. Я полюбил вас. Едва увидел вас. Я никогда ни одну женщину не любил за мои сорок два года, хотя ... хотя были ... увлечения. Я не думал, что такое возможно вообще, я не верил в любовь. Тем более — в любовь с первого взгляда. И вот я наказан за свое неверие. Вернее, не наказан, а ... забыл это слово ...

- Осчастливлен? - участливо хихикнул Саша.

- Еще нет, - хмурым голосом возразил педагог. - Мою судьбу решит ответ твоей мамы. Я могу подождать. Не обязательно отвечайте сейчас. Подумайте. Я обещаю вам, что память о вашем покойном супруге будет для меня священна. Понимаю, что не смогу заменить его. Только знайте, что ваш отказ сделает меня самым несчастным человеком на Земле. А вот и ваш дом. До свидания.

Он быстро зашагал прочь. Мать и сын стояли молча какое-то время.

- Мама, если он тебе не противен, ты можешь согласиться. Не обязательно прямо сейчас ... Просто дай ему надежду.

- Ты сможешь называть его папой?

- Нет. Не смогу. Но тебе надо строить свою жизнь. Я ведь скоро вылечу из гнезда.

Она заплакала. Он нежно обнял мать и сказал горячо:

- Мама, я вылечу не насовсем, я все равно буду рядом, моя семья будет нашей семьей! Мама! Ты мне дороже всех на свете! И если «Сто восемьдесят» тебя обидит ...

Она засмеялась сквозь слезы, кличка Окунева действительно ее веселила.

Вспомнила его пение, его урок ... Хороший человек, талантливый, но это не все, даже не то, что нужно для любви ...

- Ты говоришь так, будто я ответила ему положительно. А я и вправду не знаю, смогу ли быть ему женой. Понимаешь? Ты уже взрослый почти, ты знаешь, что муж и жена так близки, как больше никто ... Эта интимная близость, именно она меня смущает и останавливает.

- Мама, тебя никто не торопит. На тебя никто не давит. Успокойся, мамочка. Они молчали, и им показалось одно и то же: будто давно ушедший человек рядом. Будто он ласково обнимает их обоих.

4 октября 2018 года.

Проклятое место

Юрий Сомов приехал на летние каникулы к бабушке, Федосье Никитичне. После Москвы тихая деревушка на берегу речушки, которую и на карте-то не найдешь, казалась ему скучной. До того самого дня.

Утром он сбегал на речушку, поплавал, сделал физзарядку, пробежал пару километров и с аппетитом позавтракал. Парное молоко с хлебной лепешкой — истинное наслаждение! Хотя молоко из холодильника с горячей лепешкой — куда вкуснее ...

- Пойду погуляю по лесу, - сказал Юрий бабушке.

- Не ходи туда, милый, - встрепелась Федосья Никитична, - наш лес не простой, он заколдованный.

- Как ты веришь в такую чепуху?!

- Не чепуха это, а правда!

- Не боюсь я никакого колдовства, я нормальный десятиклассник двадцать первого века, я пойду в лес и еще тебе грибочков принесу.

Бабушка перекрестилась и внука своего единственного перекрестила. И сказала тревожно:

- Там не один человек пропал, не испытывай судьбу, никто оттуда еще не вернулся. Никто!

- Почему же в интернете нет об этом ничего?

- Не знаю, не хожу я в интернет.

- Паранормальные явления на планете происходят во многих местах, и об этом написано, - пояснил Юрий, - но про ваше место нигде ничего не сказано.

Поэтому пойду в лес, принесу тебе не только грибов, но и ягод.

- Не смей, не ходи, я за тебя отвечаю и не допущу ...

- Допустишь, - засмеялся он, схватил лукошко и побежал было к лесу вприпрыжку.

- Возьми хоть оберег, внучек! - закричала бабушка отчаянно.

Он понял, что сейчас будет истерика, ему стало стыдно.

- Ладно, давай твой оберег.

Федосья Никитична покопалась в сундуке и нашла нечно деревянное в форме сердца. Деревянное подвесила ему на шею с помощью ленточки. Вздохнула, перекрестила внука и все же попросила:

- Не ходил бы ты, а?

- Баб, не робей, все будет о-кей.

Войдя в лес, он поначалу ничего странного или страшного как бы не чувствовал, но постепенно деревья становились все толще, расстояние между ними — все меньше, тропинка исчезла. Стало темно, так как листва густая сомкнулась вверху, закрыв небо.

Холод все усиливался, стало даже морозно. Дышалось трудно из-за необычайной влажности воздуха.

Появился колючий кустарник между деревьями, он больно ранил руки и тело подростка. Стало не по себе. Но он шел и шел.

И вдруг — поляна. Юрий подумал о том, что это может быть болото, и шел теперь, проверяя путь перед собой веткой, которую успел подобрать.

Однако почва была твердой, и он вскоре успокоился. Но ненадолго. Над поляной начал подниматься густой белый туман.

Юрия пронизывал насквозь холод. Он дрожал. Вдруг, словно в кино сменился кадр, стало светло и ясно.

Он стоял на той же поляне. Но вокруг не было леса. Во все стороны простиралась степь. Солнце не жгло. Он поднял глаза на секунду — и вскрикнул: в небе светило два солнца, словно близнецы, они напоминали цифру восемь.

- Надо возвращаться, - прошептал он сам себе.

В этот момент из отверстия в земле, которое Юрий не сразу заметил, выползло нечто сверкающее, круглое. Оно приподнялось над землей, застыло, зависло, и из него протянулся зеленый луч, который стал втягивать школьника в НЛО, словно мощная рука. Когда бедняга оказался рядом с аппаратом, то прошел сквозь стенку, словно ее и нет.

Внутри подросток обнаружил, что находится в небольшой комнате с абсолютно белыми стенами, а рядом с ним стоят два трехметровых создания с телами как бы человеческими, но с головами как бы птичьими. Он видел такие существа на картинке по истории Древнего Египта.

Ему стало страшно. Но он не подал вида и ждал ... Вспомнил бабушку.

- Ну, что, добрый молодец, не послушал бабушку? - произнес, не открывая

клюва, один из гигантов. - А она тебе правду сказала: никогда ты не вернешься

домой. Так что выбирай сам свою гибель. Есть три разновидности.

- Вы меня убьете? - ахнул Юрий.

- Нет, мы убьем только твое «Я».

- Как это?

- Очень просто: либо ты станешь одним из нас, либо ты окажешься без памяти о том, кто ты, далеко от России, либо ты погрузишься в сладкий сон и уйдешь во сне из жизни, станешь трупом. Выбор за тобой.

- Верните меня к бабуле, я никому не расскажу про вас и про вашу тарелку летающую.

- Поздно, мальчик, ты должен выбрать одно из трех. И поторопись. Иначе мы выберем сами, без тебя. И наш выбор будет суровым.

Тут вспомнился оберег.

- Хорошо, выбросьте меня без памяти где-нибудь. С согласен на это.

Едва он произнес эти слова, как потерял сознание. Очнулся на скамейке в незнакомом месте. Около него стоял полицейский. Судя по форме — американский.

- Где я? - спросил его Юрий.

- Who are you? - ответил полисмен вопросом на вопрос.

- Кто я? - спросил Юрий.

- Are you Russian?

Юноша понял сказанное. Но он и в самом деле не знал теперь, кто он. И все же он согласился с тем, что он русский. И ответил коротко:

- Yes.

Полисмен вызвал по рации кого-то, вскоре подъехал автомобиль с темными стеклами и забрал Юрия Сомова.

- Итак, вы русский шпион? - обратился к нему на чистом русском языке блондин в сером костюме и красном галстуке.

- Возможно, но я не знаю, кто я на самом деле, - ответил задержанный.

Офицер внимательно всмотрелся в его глаза. Опыт подсказал ему, что это не шпион, а кто-то ... почему-то утративший память о себе. Почему? Надо было продолжать допрос.

- Кто твои родители, юноша?

- Не знаю.

- Подумай. Напрягись.

- Не могу. Мне что-то мешает.

- Вон оно что! Твоя память заблокирована! Кто же это сделал?

- Не знаю. Не знаю. Я хочу вспомнить — и не могу. Не могу.

Он заплакал.

- Не плачь, мы сейчас пригласим гипнотизера, и он тебе поможет.

Пришел гипнотизер. Брюнет. Молодой. Уверенный в себе.

Он начал сеанс, погрузил Юрия в необходимое состояние — и ...

Страшный крик раздался. Это от боли в голове кричал гипнотизируемый.

Пришлось прекратить сеанс. Дать таблетку от головной боли. Снотворное. Юноша уснул.

- А что это за деревяшка у него на шее висит? - поинтересовался сержант Олбрайт.

- Амулет, что ли?

- Давайте снимем и посмотрим, - решил майор Стивенсон.

Они сняли оберег с шеи Юрия и начали его внимательно рассматривать. Взяли лупу — и увидели крошечное отверстие. Вставили в него иглу — и оберег раскрылся. Сильный пряный запах, который хотелось вдыхать и вдыхать еще, распространился в комнате. Все почувствовали прилив бодрости необыкновенный. Юрий проснулся и закричал:

- Я вспомнил, кто я! Я Юрий Сомов, десятиклассник, моя бабуля Федосья Никитична дала мне оберег, и я побежал в лес. Вышел на поляну и увидел ... А-а-а! Больно-о-а! А-а-а!

- Что ты увидел на поляне? - спросил Стивенсон. - Что? Говори!

- А-а-а! Голова! А-а-а!

- Блокировка сильнейшая, - решил майор. - Явно это были инопланетяне. Вряд ли мы сумеем что-либо сделать. Это превосходит наши возможности, их цивилизация дальше ушла. Хорошо хоть мы имеем травку бабушки этого бедняги, которая способна вернуть память и освежить силы. Эй, где травка? Джейн, где трава?

- Я убрала ее со стола, вытерла стол и ...

- Где трава?! - заорал офицер.

- Я ее спустила в унитаз.

- Дура! Ты уволена! Вон отсюда!

Юрий был доставлен в посольство России и передан русским. Его допросили и здесь, он честно рассказал все, что мог вспомнить.

Здесь поняли, что десятиклассник попал под действие сил инопланетян и невозможно разблокировать память об их вмешательстве. Поняли, что надо срочно вернуть Юрия на родину, успокоить Федосью Никитичну.

Но она уже успокоилась навеки. Не видя Юрия в течение трех дней, решила, что он погиб на проклятом месте, что не спас его оберег — и скончалась от инфаркта.

30 сентября 2018 года.

Признание вдовы

Семидесятилетний Иосиф шел по улице Трумпельдор не спеша. Торопиться было некуда: он поел в кафе, дома его никто не ждал. Время было полуденное, но он то и дело заходил в магазины, что-то покупал или просто охлаждался. Купил картридж черный к принтеру, новый антивирус к компьютеру, мыло, майку, блокнот и моток ниток.

Решил посидеть на скамейке в тени огромного дерева. Сел. Никоно рядом не было. Благодать! Но, видно, сглазил ситуацию: рядом плюхнулась крупная пожилая дама. Скамья не дрогнула. Дрогнул Иосиф. Потому что дама вдруг воскликнула:

- Иоселе! Не может быть! Глазам своим не верю! Иосиф, ты ли это?

- Фрида? Боже мой, сколько лет ...

- А сколько зим?! И как далеко мы от того города, где ...

- Где жили и трудились?

- Не только, Иосиф. Где я безумно любила тебя. Да, да, безумно. Не веришь?

- Трудно поверит, дорогая. Ты крупная женщина, я тонкий и невысокий мужичник. Что ты могла во мне найти в те дни, когда мы трудились в одном сборочном цехе?

- Я и сама удивлялась. Но это было. Ты знаешь, это пришло, когда ты впервые пришел в наш цех. Ты работал на одном этаже со мной ...

- Да, помню, это был второй этаж.

- Там с тобой было еще три слесаря.

- Ну да, у нас была задача посложнее, чем на других операциях, где конвейеру хватало двух сборщиков, с двух сторон конвейерной ленты. И те ребята были рослые, веселые ...

- Именно, рослые и веселые, но у них не было таких синих сияющих глаз, как у тебя. У них не было такой походки. Словно ты не идешь, а вот-вот полетишь. А какие воломы были у тебя, какая шевелюра! Но даже и не в э том дело ...

- А в чем же?

- Сама не знаю. Но только, когда ты проходил мимо меня, голова кружилась и ноги подкашивались. Я помню, как однажды вот так у меня ноги подкосились на лестнице, когда мы встретились, и я ... села прямо на ступеньку железную ...

- Этот случай и я помню. Я еще удивился, почему эта девушка сидит на грязной лестнице, не плохо ли ей. Спросил тебя, а ты ничего не ответила. Я пошел дальше.

- Я не могла ответить. Я ...

- Ну и дела. Не знал, не гадал. Ты была симпатичная. Потом ты вышла за Витьку, моего товарища-слесаря.

- Да, я долго замуж не выходила, а потом он мне сделал предложение, дарил цветы и все такое. Сдалась. Только ...

- Говори, мне интересно.

- Интересно ему! Я спала с ним, а думала, что это ты ... Понимаешь, он лежит на мне, а мне кажется, что это ты!
 - У нас с ним разные весовые ...
 - Ты циник, Иоська! А мне было так не по себе от этого! Я видела тебя во сне, и это было так прекрасно ...
 - Если бы я знал ...
 - Ты женат?
 - Увы. А ты замужем?
 - Я вдова. Виктор умер от инфаркта давно уже. Он ушел на другую работу. Был оперативником. Уголовный розыск. Два раза был ранен. Он был храбрый. А потом инфаркт прямо на работе.
 - Он выпивал?
 - Кто не выпивает на этой службе?!
 - Ты здесь одна?
 - Нет, живу у сына. Невестка — врач, прекрасный человек. Сын - тоже врач. Оба работают по специальности. Второго сына остался в России, он патриот России. Я уже три раза к нему летала в гости. А ты?
 - Женат. Есть дети, Есть внуки. Есть даже правнучка. Ей скоро будет годик.
 - Жену любишь?
 - Привык к ней.
 - Не любишь, значит. Я так и думала. Потому что ты дурак. Женился наверняка на ... Ладно, помолчу!
 - Да, лучше помолчи. И прими мою благодарность. Искреннюю.
 - За то, что любила тебя когда-то?
 - Нет, за то, что рассказала об этом.
 - У тебя в семье не все хорошо, по глазам твоим вижу. Не те глаза, Иосиф.
 - Не тот возраст.
- Женщина рассмеялась.
- Почему смеешься?
 - Кажется, я все еще люблю тебя. Правда, по-другому. Не так, как тогда. Да ведь тебе не понять. Как и тогда не мог понять.. Прощай, Йоселе, привет твоей супруге.

1 сентября 2018 года.

Валерия и Евгений

Они проживали в соседних подъездах многоэтажного дома. Дом имел форму буквы «П», если смотреть с самолета. Валерия Кармелюк была актриса в местном

драматическом театре, а Евгений Гришин работал в опытно-конструкторском бюро.

Они встречались, когда Евгений возвращался с работы в микроавтобусе своей фирмы, а Валерия шла в театр. Через полгода они кивнули друг другу при встрече, а еще через некоторое время поздоровались вслух.

Ничто не предвещало драматического развития событий.

Потом получилось так, что они улыбнулись друг другу, и Валерия спросила соседа, как его зовут. Он сказал, и она назвала себя. Евгений улыбнулся еще шире и сказал, что знает ее хорошо по сцене как актрису. Она поблагодарила его, спросила, кто он, и Гришин ответил, что он инженер.

Прошло еще несколько дней, и Валерия пригласила его на спектакль «Коварство и любовь», где она играла главную роль. Он пообещал, что придет и купит билет как можно ближе к сцене. Она засмеялась и пояснила, что в кассе будет контрамарка для него в четвертый или пятый ряд партера. И попросила его после спектакля заглянуть к ней в грим-уборную, чтобы вместе идти домой.

Он поблагодарил еще раз и сказал, что будет за кулисами после того, как занавес закроется, а также поклоны актеров закончатся. Валерия засмеялась, и это был смех радости.

После спектакля он зашел в грим-уборную, смутился под оценивающими взглядами второй актрисы, но сел и терпеливо ждал. Домой они шли медленно, с наслаждением вдыхая чистый морозный воздух позднего ноября.

Актриса спросила, понравился ли спектакль. Он ответил как-то осторожно, и она потребовала высказаться откровенно и честно, не боясь обидеть ее.

Поколебавшись, Евгений все же признался, что ему показалось ее исполнение роли в некоторых моментах недостаточно убедительным. В эти моменты он не совсем верил ей, ему казалось, что она не шла от внутреннего состояния. Что-то заставляло усомниться в ее собственной вере в предлагаемые обстоятельства. Еще раз повторил, что так было лишь моментами.

Несколько шагов после этого они прошли в молчании.

Гришин ожидал рассерженной отповеди от известной актрисы, но его спутница вздохнула и затем как бы выдавила из себя одно только тяжелое слово:

- Да.

Еще несколько шагов прошли они в молчании.

Вдруг она спросила, читал ли Евгений Станиславского. Тот ответил утвердительно.

Он признался в том, что, будучи студентом МАИ, участвовал в художественной самодеятельности вплоть до четвертого курса, когда его увлекла серьезная работа над проектом, которая и привела его в опытно-конструкторское бюро, где он трудится сегодня.

- Так вы конструктор? - спросила она удивленно.

- Да.

- И что же вы конструируете?

- Это военная тайна, я не могу ответить.

- Понимаю. Значит, я вам на сцене не понравилась?

- Вы мне в этой роли нравились и даже очень, но не всегда. Я не вверил вам подчас, когда вы вели разговор со своим возлюбленным ... Что-то мешало верить ...

Она захохотала облегченно. Он остановился. Насмеявшись, Валерия сказала весело, что причина банальна. Просто этого актера она терпеть не может, он сам ее выбивает из роли... Но его не заменить, он крепко держится, хотя и бездарь ... Есть прокровители.

И махнула рукой.

Гришин вдруг для себя самого неожиданно взял ее за руки и стал их целовать.

- Что с вами? - поразилась актриса. - Зачем?

- Кто я такой, чтобы рецензировать вашу игру?! - произнес он горестно. - Мне ли вас критиковать, Валерия? Вы совершенство, вы умная, красивая, талантливая, а я ... конструктор!

- Молчите, Евгений, молчите. Вы честный и порядочный человек. И это немало! Я нравлюсь вам, и все же вы сказали об игре то, что думали, рискуя рассориться со мной. Я не сержусь на вас, нет!

И тогда он обнял ее и нежно прижал к себе. Признался, что давно любит ее. И всегда будет любить.

- Я не думал, что когда-нибудь любовь придет после того, как жена изменила и мы с ней расстались навсегда.

И он робко попросил Валерию стать его женою.

- Нет, - вскричала она, - нет! Я тебя не стою, милый инженер! Я плохая, я не чистая. Нет, нет!

Вывалась из его объятий и убежала.

Прошло несколько дней. И Валерия, и Евгений не могли найти себе места. Ни он, ни она не знали, что делать. Их сердца рвались друг к другу, а их ум ... Их ум работал и во сне, не только наяву. И результатом этой работы явился звонок в дверь актрисы. Это было рано утром, она с трудом поднялась в непривычный час и открыла дверь. Думала, что это какая-то телеграмма.

- Здравствуй, Валя, - сказал Евгений, входя, оттеснив ее при этом от двери плечом.

- Я пришел поговорить серьезно.

Она убежала в ванную, чтобы привести в порядок свое лицо и рот. Он терпеливо ждал ее. Наконец, она вышла и строго спросила, что это за фокусы. Он ответил, что пришел за ее согласием стать его женой. Что он готов, если надо, обменяться исповедами. Если это им поможет понять друг друга. И что начнет он первый.

- Я, Валя, учился в школе очень хорошо, но не прочь был и похулиганить. Я даже срывал уроки тем учителям, которых не любил, и за это отец, водитель-дальнобойщик, лупил меня немилосердно. Да, так было. Потом я связался с нехорошей компанией, мы обворовали киоск, нас вычислили, но срок дали условный. Отец не побил меня за это, было хуже: он плакал. И это так меня

потрясло, что я стал на колени и дал ему клятву не воровать больше никогда. Я окончил школу успешно, отслужил в армии успешно и сдал экзамены в МАИ также успешно. В институте меня положила на себя одна симпатичная девушка, и я впервые познал женщину. Да, Валя, я поздно познал это наслаждение. Я был очень стеснителен. Потом я застал эту девушку с другим студентом в нашей комнате, и она ушла к нему. Потом вернулась ко мне, и я был рад ее возвращению.

Стыдно признаться, я простил ей предательство. Потом я сам ее бросил, так как мне понравилась девушка из консерватории. У нас был красивый роман. Но недолгий. Она вышла за профессора. И я от обиды ударился в загул. Стал подрабатывать ночью как ремонтник на метро, разгружал баржи, чтобы водить девиц в ресторан. В общем, запустил я занятия. Меня хотели отчислить.

Я как бы проснулся от жуткой перспективы и дал честное слово декану, что ликвидирую все задолженности в короткий срок, я бросил пить и гулять, я стал штурмовать науку. Я сдержал слово.

Тут еще вступил я в театральный коллектив, там ребята были умные, интересные, я к ним потянулся. В общем, к четвертому курсу я был на хорошем счету. Мой дипломный проект был довольно смелым и оказался как нельзя более кстати оборонному делу. Поэтому я завершил учебу, имея отличное направление на работу. То есть прибыл сюда.

Я не женился, хотя у меня бывали небольшие романы. Может быть, вообще не женился бы. Если бы не встретил тебя. Мне кажется, что я по-настоящему люблю тебя. Потому что мне хочется все время быть с тобой рядом, просыпаться утром и видеть твое прекрасное лицо. И еще я хотел бы иметь с тобой кучу детей.

- Ты все сказал, Евгений? Тогда послушай меня. Начну с главного: я не могу иметь детей ...

Актриса закрыла лицо руками и заплакала.

- Мы возьмем детишек из детдома, - сказал погрустневший инженер-конструктор. Она чуть-чуть приулыбнулась.

- Как у тебя все просто. Но послушай мою исповедь.

Я была дочерью очень верующих родителей, меня держали в строгости. В шестнадцать лет я еще ни с кем не целовалась. И тут пришла беда: отец внезапно умер, у него был разрыв аорты. Мама осталась с нами семерыми. Мы нищали. Я как старшая помогала маме по хозяйству. Мы жили на краю города, у нас был большой огород, корова, гуси, куры, поросята. В школе я стала учиться хуже, потому что времени готовить уроки не хватало.

На уроке однажды я вошла в интернет и узнала, что есть курсы секретарей-референтов. Учиться можно вечерами и в выходные дни. Плата не очень большая. Посоветовалась с мамой, и она меня благословила на учебу. Я старалась изо всех сил. А в школе ходила на факультатив по стенографии и усердно овладевала английским языком. На принтере печатала вслепую быстро. Печатала всем, кто просил, чтобы добиться автоматизма качественного.

И маме помогала, как могла. К счастью, сестренка подросла и тоже стала хлопотать по хозяйству. Даже с удовольствием.

- Ты проявила силу воли, это здорово.

- И еще судьба. В нашем классе училась девочка-испанка, Рамона, я с ней подружилась, и она меня удивительно легко научила своему языку. Видя, как я способна к этому, она меня и немецкому учила, которым тоже хорошо владела. Так вышло, что я довольно рано овладела стенографией, тремя иностранными языками, компьютером и принтером.

На приставания мальчишек я отвечала грубостью и даже дралась с ними. Потом нарочно стала пачкать лицо и одеваться неряшливо, чтоб не лезли ко мне.

Смеешься? Рано смеяться ...

- Прости, не буду.

- Ладно. Прощаю. Итак, я была готова к работе. Надо было идти предлагать свои услуги. Но ... Куда бы я ни пришла, меня не брали. Причина одна: несовершеннолетняя. Я уж было совсем сникла.

Но тут в одном офисе старушка секретарь меня пожалела. Я ей понравилась, а она собралась на пенсию, ей уже было за семьдесят. Проверила она меня. Я неделю сидела рядом с ней, сперва приглядывалась и прислушивалась, как она работает, а потом сама под ее ... ну ...

- Контролем?

- Да. Вот именно. Под ее суровым. Работала. Ей понравилось. И она меня рекомендовала хозяину. Тот что-то буркнул, и старушка сказала, что он берет меня с испытательным сроком.

- Так он знал, что ты несовершеннолетняя?

- Знал. Но старушка так меня, видно, расхвалила ... Короче, стала я работать. Все было хорошо. Но недолго. Жена хозяина приперлась, увидела меня и приревновала к боссу. Велела меня уволить. А я работала очень хорошо. Можешь поверить. И босс ей сказал, что не уволит меня из-за ее дурацких капризов. Тогда она меня заказала ...

- Что-о? Наняла киллера?

- Нет. Она велела начальнику охраны босса убрать меня любым способом. А он уже знал, кто я и как забочусь о своей семье. Я ведь всю зарплату маме отдавала. И он мне сказал, чтоб я убежала подальше, потому что эта дура найдет другого негодяя, если он не выполнит ее приказ. Я была в ужасе. И надо же было встретиться в тот день на улице Рамону! Я ей все рассказала. И она мне помогла.

- Девчонка? Каким образом?

- Ее отец работал в ФСБ. Рамона ему рассказала про меня. Он жену босса вызвал и поговорил с ней. Что за разговор был, я не знаю. Но она от страха уехала после этого в Америку.

- Развелась с мужем?

- Нет, ей же деньги нужны, не развелась. Просто удрала от него и живет там. А я

почувствовала как бы свободу, что ли. Стала макияж наводить ... Одеваться стала ... ну, иначе ... лучше, чем раньше, эффектнее. Стала выглядеть ой-ой!

- Стала любовницей босса?

- Да, угадал. Не хочу рассказывать подробностей. И я забеременела, Хотела родить даже, но передумала, пошла на криминальный аборт, чуть не умерла ... и осталась бесплодной ... И стала заливать горе водкой ... и ... он меня выгнал ... и я ... не хочу рассказывать, самой противно ... Я уже потеряла тебя, инженер?

- Нет, не потеряла. Ты хорошая. Просто тебе не везло.

- Спасибо. Ты добрый человек. Или в самом деле влюбился по уши. Но я сама виновата. Чего уж хорошего было во мне? Так шло, пока меня не увидел однажды на улице режиссер театра драмы. Там как раз открывалась студия. Он что-то во мне увидел и уговорил подать документы на экзамены, я как бы проснулась ... понадеялась, пришла — и прошла конкурс. Особенно комиссии понравилось, как я читала басню «Мартышка и очки». Да и этюд с трагическим письмом у меня получился неплохо.

Этот режиссер был уже пожилой, он не приставал ко мне, позже сказал, что видел во мне не спивающуюся женщину-красотку, а будущую актрису. Отнесся ко мне, как отец. Я по его требованию пошла на лечение в психушку. ... Пить бросила. Публика меня полюбила. Стала я со временем заслуженной.

Я стала осторожнее в своих недолгих увлечениях. И не нужен был мне никакой муж, потому что свобода была мне всего дороже. Пока тебя не встретила. Странно, ты не актер, не поэт ... Ты человек совсем другого круга ... Но ты умный, даже очень ...

- Я полюбил тебя с первого взгляда. Я никогда никого не любил по-настоящему, видно. Но тут во мне что-то изменилось, я хочу тебя видеть рядом рано утром и поздно вечером ...

- А днем? - улыбнулась она.

- Днем я работаю. Пойдешь за меня? Я принимаю тебя со всем твоим прошлым, потому что ты на самом деле — ангел.

- Не знаю, что сказать. Пока я не готова ответить «да». Я слишком привыкла к свободе. И я не уверена в том, что вообще могу полюбить кого-то. Даже тебя. Хотя ты мне нравишься. Очень.

- Сколько времени тебе нужно на размышления?

- Не знаю.

- Даю тебе три дня. Сегодня — вторник, в пятницу приду.

Но в пятницу он не пришел. Не пришел и в субботу, и в воскресенье. Валерия решила, что инженер просто разлюбил ее после ее . А поэтому можно считать его любовь простой выдумкой. Ну и пусть! Подумаешь! Можно обойтись и без него с его странной любовью.

Проползло еще несколько дней. И она решила сказать ему в лицо все, что о нем думает. Прошла после спектакля поздно вечером в его подъезд, нашла его

почтовый ящик и узнала номер квартиры. Поднялась на девятый этаж в погромыхивающем лифте, нажала на кнопку звонка.

Ответа не было. Она сердилась. Нажала еще раз, еще. Стала стучать в дверь. Выглянула соседка, пожилая женщина. Спросила, почему такой шум. Ведь Гришин уже две недели в больнице. С ним что-то случилось на работе, поэтому его прямо оттуда «Скорая» увезла. А в какой он больнице — соседка не знала.

Огорошенная страшной новостью, Валерия медленно спустилась по лестнице. Ей было не по себе. Такой дурой оказалась, что даже нет оправдания. Он не разлюбил ее, он в больнице. Возможно, он в тяжелом состоянии. Надо найти эту больницу! Но как?

Решила начать с областной клинической. И чудо свершилось! Он был там. В реанимации. Она повесила трубку. Ей было плохо. Реанимация ... Значит, он борется за жизнь ... После утренней репетиции она вызвала такси и поехала в больницу. Ее не пустили к Евгению: еще очень слаб. Она возмутилась, стала кричать, что она его жена, что именно она нужна ему для выздоровления.

Ее узнали — и впустили.

Голова инженера была перевязана, только один глаз был свободен. Этот глаз был печален, но когда актриса подошла к Гришину, глаз как бы заблестел новым светом.

- Ты нашла меня, Валя? Я знал, что ты найдешь меня, - прошептал сквозь бинты Евгений. - Меня немножко зацепило, когда произошел взрыв ... Но теперь я надеюсь быстро ...

Он не смог договорить, потому что женщина стала целовать бинты на его голове, шептать нежные слова. Наконец, она подняла голову и стала в гордую позу клянущейся королевы.

- Я люблю тебя, конструктор, - сказала твердо, уверенно.

- Неверно, - произнес подошедший врач.

- Что неверно? - рассердилась она.

- Не то. Неточно. Он не просто конструктор. Он главный конструктор, - пояснил врач. - Он гордость нашей страны.

К сожалению, это не есть информация для всех. Разве вы не знали об этом? О его положении и его звании? Да он конспиратор! Хитрец, даже от жены скрывал ... Но вы на него не сердитесь. В бреду он только вас звал. Огромная любовь ... Мы все завидовали ... Почему же вы так долго не приходили?

27 августа 2018 года.

Ундина

В районном городе Черный Яр на реке Змейка Дарья Михайловна не думала задерживаться. После института она была готова отработать положенные три года, после чего вернуться домой, в областной центр. Но привыкла к своим ученикам, полюбила их, радовалась их успехам в математике.

Да еще и свой класс пятый "А" хотелось довести до выпуска, не могла не ответить взаимностью на любовь и благодарность учащихся.

Впрочем, была еще одна причина. Молодая преподавательница встретила человека, который своей любовью покорила ее. Это был главный инженер завода металлоизделий Гришин. Хотя народ не знал, какие именно металлоизделия выпускает завод (рабочие были немногословны), но называли его «воензавод». Гришин был старше Дарьи на десять лет, это ее однако же не смутило, так как разница в возрасте ее родителей была еще больше, кроме того, Алексей Петрович был богатырь, можно сказать. При этом - кудрявый.

Впервые он увидел ее, когда ехал на своем мощном красавце-мотоцикле «ИЖ Юпитер 5» с работы домой. Притормозил и предложил довезти ее до самого дома. Она отказалась, и он не сумел скрыть своего огорчения. Это рассмешило Дарью, и она пояснила, что ходить полезно, что она просто обязана ходить, так как работа ее почти сидячая.

Он продолжал ехать рядом, и она еще больше смутилась. Потому и села на мотоцикл. И не смогла после этого отказать ему в чашечке кофе. Впрочем, вместо кофе накормила его обедом, и сама, хоть и не была голодна, поела вместе с ним, видя его смущение.

Пошел сначала разговор о математике, потом — о литературе, и выяснилось, что оба любят Лермонтова и Достоевского. Сошлись и в музыке: Бетховен. Моцарт. Чайковский были общими любимцами. То же совпадение оказалось и в отношении к живописи, к архитектуре.

Попрощались тепло.

А вскоре из области по радио была передана поэма «Мцыри», как объявили, по просьбе инженера Гришина для его любимой девушки по имени Даша Чуйко.

Черный Яр шумел, Дашу все поздравляли, ученики даже стихи хором прочитали на счастье..

Она рассердилась на Алексея Петровича, хотела свой гнев ему высказать, но не успела: пришли сваты.

В роли ее родителей неожиданно оказались соседи Даши - Плотские, Иван Федорович и Анисья Николаевна, люди весьма солидные и городу известные.

Анисья Николаевна шепнула:

- Выходи за него, Дашута, верный будет у тебя муж, ни разу не пожалеешь. Поверь мне.

На свадьбе под крики «горько» Гришин нежно прикладывал губы к ее губам, он был само смирение, и Дарья Михайловна почувствовала некое тепло в груди своей, она обняла его при очередном требовании и прижалась к нему. И увидела, как могут сиять голубые глаза этого сурового на первый взгляд человека.

Даша забеременела. Все у нее протекало нормально. Алексей помогал ей, как мог, помогали Плотские, ученики старших классов приходили и ненавязчиво оказывали помощь

Но вот начались родовые схватки. Она позвонила на работу мужу, он примчался домой, отвез ее в роддом и был там до самого появления ребенка. Это, как и ожидалось, была девочка. Ее первый крик поразил и мать, и опытную акушерку: вопль младенца напоминал пение.

Девочка росла быстро, была голубоглазая, в отца. Она гулила не так, как обычные младенцы, по-особому — пела как бы. И это восхищало родителей.

- Назовем ее Ундина, - предложил отец. - Помнишь, у Жуковского ...

Мать не помнила. Но имя ей понравилось. Она вышла на работу из декретного отпуска в положенное время к радости ее учеников.

Между тем, малютка Ундина проявляла удивительную музыкальность. Она напевала мелодии песен, которые слышала из телевизора, потом и слова произносила в пенни. Голосок у девочки был красивый, нежный, но сильный, как бы от природы поставленный.

Зоя Александровна Лобова, старушка-концертмейстер, узнав об этом, пришла как-то к Гришиным послушать. Она была поражена, ее сердце требовало заботы о дивном ребенке, и она стала ежедневно приходить к Ундине и как бы играя заниматься с ней вокалом.

Время шло, и вот уже Ундине исполнилось шесть лет. Зоя Александровна записала ее ученицей по классу фортепьяно. в свою музыкальную школу, расположенную неподалеку,

- Это еще ни одному вокалисту не мешало, - объявила старушка.

И сама стала заниматься с Ундиной.

В общеобразовательной школе учительница сказала, что имя Ундина не годится, и записала ее Татьяной Алексеевной Гришиной. Более того. Она заставила родителей крестить девочку в церкви с этим именем, на что священник охотно согласился, так как то был как раз Татьянин день.

Та же учительница посадила Ундину за одну парту с Анатолием Шинкевичем, заметив по его глазам, что девочка вызывала восторг у молчаливого и уравновешенного отличника.

Анатолий был сын уважаемых родителей, ученик дисциплинированный и прилежный. Однако если кто-то задибался, то получал от него сильнейший отпор, так как он был силен физически, ловок и смел. Он сразу стал защитником новенькой в классе.

И не только в классе.

У них началась дружба, которая становилась все крепче. Родители обоих уже планировали через детей породниться в будущем, лет через десять. Но дети опередили родительские планы.

Когда Ундине-Тане исполнилось двенадцать лет, она сказала Толе, что хочет еще раз отметить эту дату, но только вдвоем с ним. Он, конечно, согласился. Как раз его родители уехали на курорт, мальчик жил у бабушки и ежедневно ходил проверять, все ли дома в порядке.

В назначенный день он отпер квартиру свою, ввел в нее Ундину, они открыли взятую из буфета бутылку шампанского — и случилось то, что, видимо, и должно было случиться.

Инициатива шла от девочки, мальчик даже пытался образумить ее, но ее нежный поцелуй вызвал такую страстную реакцию у него, что он совсем потерял голову. Их соитие было прекрасно! Они давали друг другу клятву верности, они называли друг друга неожиданными и странными ласкательными именами, они были неутомимы в дуэте любви их юных прекрасных тел.

- Родители поймут нас, - шептала Ундина другу, - они все поймут, когда мы им расскажем. А о беременности ты не беспокойся, я принимаю таблетки. Они мощные.

Каждый день после школы они бежали к ложу любви своей. Здесь их с ужасом и застали Шинкевичи, вернувшиеся из отпуска. Они почти на коленях умоляли Гришиных простить их сына. Но Гришины поняли, кто более виновен, и сами покаялись перед друзьями.

Потом был проведен объединенный семейный совет, на котором обе стороны решили: раз так случилось, то теперь их дети навсегда поженились. И пусть будут счастливы.

Если бы они знали, какое горе ждет их!

В том же классе "А" на задних партах сидели четверо негодяев во главе с Ленкой Красавиным. Ленка был мастер по лишению девочек невинности. Он даже

выработал некий алгоритм действий.

Приглашал девочку с подружками к себе домой, бедняжке в шампанское подкладывал пол-таблетки клофелина, который где-то сумел раздобыть, затем выпроваживал всех лишних - оставались только четверо негодяев и сонная, беззащитная жертва

Затем юные подонки по очереди (Ленька — первый) ее насиловали. И убеждали потрясенную, морально раздавленную бедняжку в том, что теперь она стала их общей наложницей, что нет у нее иного выхода. А еще ножи ей показывали — для большей убедительности.

Та сдавалась, при этом начинала учиться все хуже, кое-как, привыкала к алкоголю, а со временем, как достойная, - и к наркотикам.

Серьезные подозрения преподавателей и родителей эти дети развеивали ложью, клятвами, и все на некоторое время успокаивались, пока всем не стало ясно, что необходимо вмешательство полиции.

Оно было намечено на следующий день.

Гришины боялись оставлять Ундину одну даже на один день, поэтому после районного смотра художественной самодеятельности, где девочка потрясла жюри своим волшебным голосом, не разрешили ей поехать на областной смотр. Они даже предположить не могли, что ее несчастье находится в одном классе с ней, на задних партах.

Когда она пела на смотре, сидевший в зале Ленька Красавин шепнул своим друзьям:

- Хочу ее! И буду лежать на ней!

По городу протекала река Змейка, не очень широкая, но глубокая, с быстрым течением. Над ней был деревянный мост, который собирались заменить (железобетонный мост нависал над Змейкой лишь восемью километрами ниже, через него шел тракт).

Музыкальная школа и жилье Гришиных находились по одну сторону моста, в главной части города, а спортивный зал, где тренировался по карате Анатолий Шинкевич, - по другую сторону моста. Расстояние быстро преодолевалось на велосипеде, которым пользовался Анатолий.

Вот и задумал Ленька украсть велосипед Шинкевича, а для верности мост поджечь, чтобы пожарные там появились и никого не пускали на мост.. Это сделал один дружок его в тот день, когда Ленька наметил овладеть телом Ундины.

Толя вдруг почувствовал какую-то тревогу, позвонил Ундине по сотовому, она была на занятиях по вокалу в музыкальной школе и тоже пожаловалась другу на

чувство тревоги. Он попросил ее не уходить из школы до его прихода. Она пообещала.

Но едва Зоя Александровна ушла, Ундину выгнала техничка, желавшая закрыть здание немедленно, чтобы яростно подраться с мужем, пропившим свою зарплату.. Девочка позвонила домой, но никто не брал трубку: отец был вызван на ковер в Москву срочно еще утром, а у матери из-за этого случился сердечный приступ, и ее увезла «Скорая».

Ундина сообщила об этом другу. ...

Он попросил у тренера разрешения уйти, не найдя украденного велосипеда, схватил чужой, помчался к мосту. На мост не пускали, и он бросился в воду с велосипедом, в одежде, с трудом переплыл на другой берег, последний метр пройдя под водой ногами, не дыша

Помчался, думая с горечью о том, что через неделю предстоит переезд в высотный дом на улице Льва Толстого, в центре города.

Уже стемнело. Ундина стояла рядом со зданием школы, ожидая друга. Внезапно проходивший мимо мужчина спросил ее, что она тут делает. Девочка сказала, что ожидает друга.

Мужчина спросил, не страшно ли ей стоять здесь одной в темноте. Она сказала ему, что лучше бы он шел дальше, что она его боится. Мужчина засмеялся и возразил, что у него две дочери-близняшки такого же возраста.

Но Ундина пригрозила, что закричит, что станет звать на помощь. И мужчина ушел, качая головой.

Зайдя за угол, он позвонил по сотовому телефону на «02» и сообщил об одинокой девочке. Капитан Хабибулин спросил, кто он, и мужчина ответил, что он редактор местной газеты Дмитрий Яковлевич Беляев. Тотчас же патрульная машина была направлена к музыкальной школе.

Ундина позвонила Анатолию, но его сотовый после реки не работал, и, не зная об этом, боясь появления новых прохожих, она робко двинулась к дому.

Едва она оказалась у гаражей, закрывавших прямой путь ей, на нее набросились подонки во главе с Ленькой, воткнули в рот кляп и повалили бедняжку на землю

...

Красавин расстегнул штаны ...

Женька Усков, новый среди негодяев, все время ныл:

- Не надо, ребята, это же верная тюрьма.

- Заткнись, слабак, - прошипел Красавин, - а то я за себя не ручаюсь.

Анатолий подъехал к музыкальной школе. Она была закрыта, он двинулся дальше и

оказался перед страшной картиной.

Подбежал к несчастной Ундине, вытащил кляп из ее рта, и она закричала, рыдая:

- Толя. он успел! Он успел!

Вой раненного зверя вырвался из груди ее друга. Он кинулся к Ленке, вставшему на ноги и вытащившему нож с выскакивающим лезвием, ударил его ногой в пах.

Тот с воплем согнулся, и тогда Анатолий свернул ему шею, не почувствовав поначалу, что враг успел ножом воспользоваться.

Насильник умер, а рубаха Шинкевича стала намочать на груди.

Смерть настигла и двух других негодяев. Не помогли им их ножи.

Женька Усков стоял на подгибающихся ногах, ожидая гибели, но Ундина крикнула, что он не виноват, что он даже отговаривал, и Анатолий сказал горько:

- Ну, живи, Евгений, будешь свидетелем в суде. Живи.

И тут закричала, завывала Ундина:

- Толя, а я, я не хочу жить, не хочу жить, я не смогу больше быть с тобой, я грязная, грязная, грязная! Не хочу я жить больше — е -е!

- Тогда и мне не жить, - горестно произнес ее друг. - Без тебя мне жить незачем.

В этот момент подъехала патрульная машина. Стражи порядка были ошеломлены тем, что увидели.

- Здесь было изнасилование и убийство. - громко и четко сказал Шинкевич, - а этот тонкий мальчик Усков — свидетель. Убивец - я. А девочка — моя бедная подружка. Я не жалею, что убил сволочей. Жаль только, что они так мало мучились.

Он протянул руки лейтенанту. Тот молча надел на них наручники. Ему было искренне жаль этого мстителя. Фары осветили всех, и стала видна кровь на груди Анатолия. Лейтенант вызвал «Скорую помощь».

Ундина молча молилась Вс-вышнему, чтобы Он забрал ее как можно скорее из этого страшного мира, чтобы тем самым не дал бы ее душе пойти на грех самоубийства, так как нельзя ей больше жить на белом свете, нельзя.

Ее друг странно улыбался.

Потому что понял, как легко уйти из жизни: надо разбежаться и удариться головой об стенку тюремной камеры. А если не получится, есть масса других способов. Но это уже в колонии ...

30 июля 2018 года.

Небоскребы села Утятينو

- Слушай, Андрей, до меня дошел слух о селе Утятино. Там, мол, живут люди талантливые. Даже гениальные. Надо бы проверить. Давай на самолет — и назад с материалом.

- Где оно, это Утятино?

- Север области. Сейчас только на самолете можно добраться. Часа полтора, не больше.

- В Утятине есть аэродром?

- Нет, но есть рядом. В Аникеевке, это не больше десяти километров. Или пятнадцати. Тебя довезут на дровнях. Я договорился. По рации. В Утятине нет пока телефонной линии на область. Но скоро будет.

- Пешком буду топать, да? Тулуп дадут?

- Я обо всем договорился.

- Когда лететь?

Редактор посмотрел на часы. Поморщился.

- Уже опаздываешь. До аэропорта тебе ехать часок без пробок. А твой вылет через час. Ну да авось. Вот тебе командировочное. Вот деньги. Дуй.

- Самолет-то какой? - спросил я на ходу.

- Хороший, двухместный. Пилот - и ты. Тебя встретят, не тушуйся, братишка.

- Я же не собрал вещи.

- Собирать ничего не надо. Пальто есть Тулуп дадут. Остальное - тоже, сам увидишь.

Самолетик "Морава" показался мне игрушечным. Однако он с такой силой ревел, что казалось, будто это некий гигант. Пилот, мой ровесник, сыпал шутками. Я их не всегда ясно слышал, но улыбался. Все реже. Особенно тогда, когда уже стало темнеть, а пилот очень уж часто смотрел то на карту, то вниз - и хмурился. Потом он и вовсе оставил свои шутки.

Но вот он как-то сориентировался, мы пошли на посадку. Это и в сама деле была Аникеевка. Меня ждали. С тулупом. Редактор не обманул. Дали мне портфель толстенный, огромный, сказали, что там есть все необходимое для командированного в село.

- А гостиница есть в Утятине? - обеспокоился я.

- Нет, но вас поместят в хорошую избу. Вас уже ждут там.

Конь бежал быстро, снег был белый, чистый, воздух - не городской, девственный. Мои утепленные ботинки однако же вскоре показали свою слабость, ноги стали мерзнуть. Едва я решил сказать об этом вознице, молодому пареньку, как тот вдруг произнес тревожно, что мы опаздываем.

Я не понял его тревоги и возразил ему, что на сегодня никаких мероприятий не предвидится, но он безрадостно пояснил, что из-за нашего опоздания мы можем с темнотой подвергнуться нападению волков, которых тут развелось за последнее время множество.

Я пожалел, что не взял с собой никакого оружия в редакции, но парень дал мне какую-то трубу со светящейся кнопкой на одном конце и сказал, что это прожектор, который поможет нам отпугнуть хищников.

И только сказал это, как конь понес. Я повернулся назад с трубой в руке и увидел, что нас преследуют. Нажал кнопку на трубе, и мощный луч прожектора вырвал из тьмы переднего волка. Я подумал, что это волчица. Буквально три секунды зверь еще бежал, но вдруг стал тормозить, сев на землю. Завыл. Передними лапами как бы стремился что-то сбросить с головы своей.

Я перевел прожектор на следующего волка, с ним случилось то же самое. Звери после этого отстали. Но конь все еще бежал очень быстро. Тут мы увидели огни фар, это была автомашина встречающих, выбежавших из нее с ружьями в руках.

- Нажмите кнопку, - сказал один из них, высокий худой человек в легком пальто и шапочке. - А то и нам навредите.

Я нажал кнопку на трубе, и прожектор погас. Человек протянул руку мне и представился:

- Антон Семенович Арсентьев, местный житель, конструктор. Автор этой трубочки. И моей утепленной одежды на электрообогреве.

Я благодарно пожал протянутую руку. Она была теплой, и я не удивился, как это Арсентьев не мерзнет в столь легкой одежде. Электрообогрев ... Надо же!

- Сегодня вы ночуете у меня, - сказал он, - а завтра сами решите, где вам остановиться. Надолго к нам?

- Дня на три-четыре, - ответил я.

- Ну что ж, ознакомьтесь с утятинскими небоскребами, - сказал он.

- Как? У вас есть небоскребы?

- Небоскребами я называю наших выдающихся деятелей, - хохотнул он.

Дом инженера-конструктора был небольшой, но двухэтажный. На крыше гнездились какие-то конструкции. Мне показалось сквозь темноту, что это ветряк и солнечные батареи. Но ведь здесь солнце мало светит. Ветряк тоже мало полезен, здесь, посреди тайги, не гуляют сильные ветры.

Мы вошли в дом. Было тепло. Я поискал глазами нагревательные приборы, но не обнаружил их. Сказал об этом хозяину. Он засмеялся.

- Нагрев идет от стен. Стены же согреваются с помощью нагревателей, использующих энергию ... впрочем, вам не понять.

- Я попытаюсь.

- Я сумел создать сверхаккумулятор огромной мощности, заряжаемый от темной энергии.

- Что-о?

- Вы не ослышались, журналист. Я нашел путь ко многим явлениям и многим конструкциям здесь - в глуши. Я даже хотел поделиться своими находками с ученым миром. Но понял, что для России это не будет полезно, а для врагов - будет.

- Почему?

- Любое открытие может быть использовано и для Добра, и для Зла. Наши враги только и думают, как нас сгубить. А утаить открытия, если начать их применять, невозможно. Разведки врагов не пожалеют миллиардов для кражи. Для подкупа, для убийства. Короче, мои открытия - для потомков. Точка.

- Но ...

- Я все сказал. Давайте выпьем за все хорошее.

От такого тоста я не мог отказаться. Мы выпили, потом еще за всякие добрые дела пили. Я опьянел.

- Спать, - скомандовал хозяин. - Голова от моего алкоголя болеть не будет.

Утром он приготовил хороший завтрак, после которого посоветовал мне пойти к следующему "небоскребу" - председателю колхоза Писареву.

Длинный одноэтажный дом под железной крышей имел два крыльца. Одно вело к двери с вывеской «Правление», над другой дверью была табличка с фамилией председателя. Я вошел в первую дверь. Меня поразило отсутствие табачного дыма. За столом сидел пожилой крупный мужчина с улыбкой глаз, строгих и внимательных.

Он поднялся, протянул мне руку и произнес густым басом:

- Олег Петрович Писарев, председатель колхоза.

- Андрей Приходько, корреспондент. Уделите мне полчаса.

- Могу и больше. Пройдемся по нашему хозяйству, посмотрите на все своими глазами. У меня сейчас никаких совещаний, так что я в вашем распоряжении.

Мы не спеша двигались по селу, и Писарев рассказывал о своем хозяйстве.

Я узнал, что все дома на территории - более двухсот дворов - созданы за время его правления. Крестовые избы на бетонном фундаменте с большими погребами и крытыми дворами. Избы, которые строили сами колхозники в два приема: одно воскресенье — нулевой цикл, второе — остов дома с дверными узлами и готовыми окнами, которые изготавливали здесь же, в колхозном деревообделочном цехе. внутреннюю отделку со всеми коммуникациями доверяли самой семье, но и здесь семье помогали другие колхозники.

Я узнал, что в колхозе считается отвратительным напиться и хулиганить, что супружеская измена презирается.

Что здесь работает школа-восьмилетка с малой наполняемостью классов, менее двадцати человек, что доплату преподавателям дает колхоз. То же - и в детском саду, и в детских яслях.

Я не уставал удивляться, а Писарев уже показывал коровник, телятник, свиноводник, конюшню, овчарню, Все было чисто, все было удобно. Люди, работавшие здесь, смотрели на меня с каким-то чувством превосходства. Это меня не раздражало, я уже влюблялся в коллектив и его председателя.

Когда же я спросил об источнике энергии, Писарев засмеялся. Но пояснил.

Оказывается, здесь было три локомотива. Практически работали только два, третий

был в ремонте. Ремонтировались они поочередно, профилактически. Поэтому перебоев не было ни на фермах, ни в жилищах.

- А вот наша столовая, - он показал на продолговатое здание, в которое мы тут же вошли.

- Здесь мы только обедаем, - сказал Писарев, - а завтрак и ужин каждая семья сама готовит себе. В детских учреждениях — другое дело, там завтрак и обед. Только ужин — дома.

Потом, поглядев на меня пытливо, вдруг предложил мне стать редактором многотиражной газеты.

- Очень хочется мне иметь свою колхозную газету, назовем ее «Новости нашего села». Или что-то в этом духе. Ты будешь редактором и штатом, дадим тебе самый современный компьютер, отличный принтер, будешь раз в неделю форматом «А четыре» делать газету. А? Соглашайся. Найдем тебе подругу жизни — красивую, верную, преданную.

Я был ошарашен этим предложением, но сказал, что подумаю. Между тем, нам принесли обед: борщ и рыбные котлеты с картофельным пюре. Я не был голоден. но все же попробовал борщ. Он оказался очень вкусным, и я уплел его довольно усердно. А уж котлеты рыбные ... Это было чудо!

- Вкусно? - спросил Писарев. - Да, умеют наши повара готовить. А рыбка-то у нас своя. Тут течет река Степановка, не очень большая, так мы вырыли глубокий пруд по ее течению и мальков привезли. И вот теперь у нас есть рыбное хозяйство общественное. Рыбку едят и здесь, и в детских учреждениях. Хотим и в продажу ее пустить, когда больше ее станет.

- Вы великий хозяин, Олег Петрович! - воскликнул я. - Вам бы быть губернатором!

- Нет уж, мое призвание и умение, мой масштаб - это село. Где контакт с каждым человеком личный. Ты думаешь, я мало воевал, чтобы покончить с пьянством, хулиганством, с бедой в семьях? Чтобы люди полюбили иную жизнь, жизнь честную, красивую, добрую, достойную? Проще было приучить к порядку племенных быков Аписа и Юпитера.

Я засмеялся. он -тоже. Потом я спросил:

- Вы приехали сюда один или ...?

- Или с женой? Вопрос понятный. Законный. Я был направлен преподавателем истории в Аникеевку. Да, я историк по образованию. Прибыл в районный отдел народного образования, там очередь была к шефу. Передо мной стояла девушка. Стройная. Скромная. Я ее спросил, что она преподает. Она ответила, что это не мое дело. Мне ответ понравился, но я просто возразил. что это может оказаться и мое дело.

Она промолчала.

Тут слышу, что секретарша говорит в телефон про какое-то село Утятино. Мол. там уходят на пенсию сразу и учительница начальных классов и председатель колхоза, ее муж.

Я как бы в шутку возьми и скажи той скромной девушке:

- Строгая девушка, давайте поедem в это Утятино. Я буду председателем колхоза, а вы - учительницей. Конечно, трудно будет. Но мы одолеем все трудности.

И тут, поверишь, она мне улыбается и соглашается. Представляешь?

- Да, неожиданно ...

- Зашли вдвоем в кабинет, я сразу же предлагаю себя председателем колхоза, а девушку - учительницей в Утятино.

Завтра спрашивает, мы муж и жена или как? Я говорю, что да, муж и жена. Девушка не разоблачает меня. Короче, тут начались переговоры, быстренько все согласовали, и мы с Клавой сели в газик и поехали в село. Рядом с водителем сидела его жена, а мы - сзади. Долго молчали. Потом я ей говорю, что и в самом деле хочу быть ей мужем. И что буду всегда ей верен, потому что она достойна уважения и верности.

Она спрашивает: а как же любовь? Я вместо ответа спросил, были ли у нее парни. Она покраснела и ответила, что с отличием окончила педагогическое училище, не до любви было, да и красотой ее природа обделила. И вижу я слезы - на ее ясных глазах.

Я возразил ей, что она ошибается о себе, что она милая, что я именно о такой всегда мечтал и буду ей верен всю жизнь поэтому. И руку поцеловал. Она руку не отдернула. Сейчас у нас трое детей. Люблю ее все сильнее, да и она, кажется, меня - тоже. Помогаем друг другу во всем.

Меня недавно приглашали на повышение, Клава одно сказала: не предавай Утятино. И я ее понял.

Вот такая моя история. Не было у меня другой женщины, и у нее не было другого мужчины. Смешно тебе?

- Нет! Поразительно! Вы и вправду человек-небоскреб.

Тут мы подошли к зданию с фасадом типичного дома культуры. Оказалось, что это действительно утятинский дом культуры.

- Сейчас, Андрей, ты увидишь настоящих небоскребов, - сказал тихонько Писарев.

Мы вошли вовнутрь. В зале было двое: молодая женщина у рояля и высокий мужчина. Он распевался. Но едва мы вошли, умолк.

- Друзья, здравствуйте, вот Андрей, корреспондент, он хочет с вами познакомиться, - сказал председатель колхоза.

- Очень приятно, Ниса Шереметьева, - улыбнулась пианистка.

- Алексей Байбаков, - представился вокалист. - Мы как раз начали репетировать к сегодняшнему концерту. Послушайте, если у вас есть время. Присаживайтесь.

Он запел. И я замер. Это был дивный баритон. Густые низы, металлические верха, богатство обертонов! Откуда?

Мы прослушали несколько арий из опер, пару неаполитанских песен и десяток русских романсов с огромным удовольствием. Аплодировали от души.

- А теперь, Ниса, я прошу вас поимпровизировать, - несмело как-то произнес

Писарев.

Ниса поколебалась было, но я взмолился о том же, она пожала плечами и начала. По мере того, как она играла, я испытывал нечто вроде опьянения. Трудно подобрать слово для того, чтобы объяснить, что было в душе моей. Никогда еще я такого не слышал.

Наконец, она взяла три мощных аккорда и положила руки на колени.

- Bravo. Ниса, чудесно, бесподобно, спасибо! - орал я. - Это неповторимо в высшем смысле слова.

Она улыбнулась. Алексей целовал ее руки. Видно было, что они любят друг друга. Я умилился.

- Алексей, кто вас учил пению? - спросил я. - Ниса, понятно, училась в хорошем учебном ...

- Ниса училась в Московской консерватории, - гордо заявил Алексей, - а я учился петь под ее руководством. Моя диафрагма сегодня - самая мощная в мире!

Все засмеялись. А Алексей продолжал:

- Ниса учила меня дышать, потому что пение - это особый вид дыхания.

Обертонными же меня сама природа наградила. Посылать звук в резонаторы головы тоже учила меня моя прекрасная подруга. Но эта система - наша тайна.

- Почему вы поете в селе Утятино, а не в Большом театре? - спросил я.

- Потому что здесь воздух чистый, люди добрые, а главное - Ниса любит это село, ей здесь комфортно. Кроме того, здесь у нас музыкальная школа, где мы преподаем. Я ведь окончил училище по классу баяна. А она - по классу скрипки. Фортепьяно - это было позднее. Наши старшие ученики готовы сдавать экзамены в музыкальное училище. И сдадут!

- Вы небоскребы, ребята! - провозгласил я. - Желаю вам удачи и дальше.

- Приходите сегодня на концерт, - сказал Алексей, - будет петь детский хор. Будет взрослых хор. Будут солисты. И я буду петь. Приходите.

Я пообещал постараться прийти.

Мое внимание привлекли картины на стенах зала. Это были пейзажи. Угадывалось Утятино в разных ракурсах и с разных расстояний. Пейзажи поражали радостной силой, светлым настроением, жизнелюбием, глубиной.

Я спросил у председателя, кто автор этих дивных картин.

Он ответил, что это — еще один небоскреб, художник, к которому мы сейчас и отправимся. Только заглянем на пару минут в правление, чтобы отдать кое-какие распоряжения по селектору.

Я поразился: еще одно чудо утятинское, селектор колхозный.

Мы двинулись к правлению. Постепенно я пришел в себя. Спросил, как избирается правление колхоза. Писарев ответил неожиданно, что правление не избирается.

Это - он сам, главный инженер, главный полевод, главный животновод, бухгалтер. Пятеро.

- А как же демократия? - удивился я.

- Демократия - на собраниях. А мы - рабочий орган. Мы работаем не нормировано, заседаем два раза в день - в семь вечера и в семь утра, это по сути оперативки.

- Я ошарашен. Здесь все так необычно ...

В этот момент раздался звук взрыва. Завыла сирена. Промчалась мимо нас пожарная машина. Появились люди на улице. Кто-то крикнул, что взорвался дом инженера.

На месте дома, где жил Арсентьев, была огромная яма. Пожарные гасили соседний дом, не успевший еще сгореть. Около этого дома стояла молодая красивая женщина и заламывала руки. Было ясно, что она — хозяйка горящего дома.

Ко всеобщей радости, пожарные быстро справились с огнем. Тут же прибыла ремонтная бригада и стала ремонтировать крышу и одну из стен. Женщина в белом халате выскочила из подъехавшей легковушки и подбежала к хозяйке дома.

Оказалось, что она молодой врач, которая согласилась ради Утятина работать в здешнем фельдшерско-акушерском пункте. Вот и еще один небоскреб ...

Через несколько минут пожарники доложили, что огонь ликвидирован, ущерб причинен незначительный. Ремонтники продолжали работать. Писарев подошел к женщине, стал ее успокаивать. Она приходила в себя. Вошла внутрь дома, тут же вышла и радостно объявила, что все ее картины целы. И вся обстановка — тоже.

- Татьяна Евгениевна, позвольте представить вам корреспондента областной газеты, - сказал Писарев. - Правда, момент как бы не подходящий ...

- Да уж, - вымолвила она. - Труднее придумать хуже.

- И я так думаю, - подтвердил я. - А я ведь тоже пострадал от взрыва. Мой толстый портфель со всем необходимым для командированного в село, погиб в этой страшной трагедии. Жаль инженера гениального, он был хороший человек. Мне было приятно с ним общаться. Что ж, пора обратно. До Аникеевки дойду пешком ...

- Не дури, Андрей, - сказал Писарев, - завтра утром я сам тебя отвезу после оперативки. Сегодня заночуешь у ...

- Пусть у меня ночует, - перебила его художница, - у меня есть раскладушка, заодно и допросит меня. Раз уж он тут оказался. Да и не так страшно будет после взрыва этого. Мне что-то не по себе после этого страшного ухода из жизни моего соседа.

- Лады, - обрадовался председатель. - Тогда спокойной ночи. Я тут вспомнил про еще нескольких небоскребов ...

- Допрашивайте, - предложила Лисовская, когда он ушел. - Только глубоко в душу не лезьте. Кстати. Есть не хотите? Уже пора ужинать.

Я только головой кивал: женщина была очень красива, я любовался ею, я вдыхал аромат «Шанели», я терял разум.

- Что с вами? — забеспокоилась она. - Вы так напуганы взрывом?

- Нет, я не напуган, я десантник, я не то видал, я ... не сердитесь только ... я влюбляюсь ... я ... я ... вы прекрасны ... вы ... вы совершенство. Ваши картины — шедевры, но вы сами ... вы еще лучше ...

Я стал перед ней на колени и поднял руки, как в молитве. Она отшатнулась.

- Вы ненормальный, корреспондент. Если бы я предполагала ...

- Таня, вы ... Танечка ... я хочу остаться в Утятине ... с вами ...

- Вы не соображаете! Мне тридцать три года, а вам?

- Двадцать три. Но это ерунда. Вы моложе меня. Я никогда не испытывал ничего подобного.

- Успокойтесь. Давайте лучше я вам покажу мои картины. Встаньте, мне неудобно.

- Не встану. Вы совершенство ... Я скорее умру, чем ... чем ... без вас ...

- Послушайте, Андрей, когда вам будет сорок, вы будете мужик в расцвете сил, а я ... климакс ... капризы ... ссоры ... старуха ... мне будет пятьдесят лет ... карга ...

- Никогда ты не будешь старухой, моя богиня! Я буду стараться, я буду твоим плечом, твоим рабом, твоим ...

- Но я не люблю тебя, парень. Пойми это! Не люблю!

- Моей любви хватит нам на двоих, я буду лелеять ...

- Слушай, три года я вдовствую, все мужчины мне одинаково противны после моего любимого мужа. Оставь меня, шалый отрок ...

- Если бы я мог! Я уже никогда никого не полюблю, никогда! Я это чувствую! Танечка, Танечка! Единственная!

- Его тоже звали Андрей ты даже похож на него ... но ты так молод ... ты хоть познал женщину до этого?

- Да, у меня был роман еще в школе, но она вышла за другого, потом — когда служил, в самоволку даже бегал, но и она вышла замуж за богатого. За очень богатого. Потом был роман в редакции, но девушку забрали в Москву две недели назад.

- Так ты просто по бабе изголодался, песик?

- Нет, я полюбил. Внезапно, страшно, навсегда. Поверь мне.

- Допустим, поверила. Венчаться пойдешь?

- Побегу.

- Прямо сейчас?

- Да.

- Пошли.

Я взглянул на часы. Было около шести часов вечера. Мы дошли до дома культуры, обошли его и увидели большую площадь, а за ней — красивый храм, напоминающий церковь Покрова на реке Нерль.

Мы подошли ближе, поднялись, перекрестившись, по ступеням (их было всего четыре) и постуovali в дверь. Нам открыл священник, высокий седой человек с густыми бровями и добрыми веселыми глазами.

- Отец Александр, мы пришли венчаться, - каким-то чужим голосом сказала Таня.

- Дело хорошее, - после паузы ответил священник, - только ведь надо бы вам сначала зарегистрироваться в государственном учреждении. Годик подождать.

Потом пройти через исповедь и причащение, найти свидетелей-поручителей, то

есть крепкую христианскую семью ...

- Вот видишь, Андрей, - сказала Таня мне. - А ты ...

- Он тоже Андрей? - спросил отец Александр, улыбнувшись.

- Он корреспондент, - странно ответила моя любимая. - Да, корреспондент областной газеты.

- Я останусь в Утятине, если Таня станет моей женой, - почти крикнул я.

И услышал громкий смех священника. Настолько заразительный, что и мы с Таней засмеялись.

И тут я обратил внимание на иконостас церкви. Это было чудо красоты. Особенно царские врата.

- Любуешься иконами, сын мой? - обратился ко мне священник. - А знаешь ли ты, что и храм сей воздвиг Андрей Беспрозованный, ее покойный муж, и все иконы он же написал? И все фрески? Работал день и ночь, помогали ему всего трое утятинцев, и вот какое чудо красоты сотворили они. Не на один век построен храм. А сам Андрей, отдав сему делу все свои силы, ушел от нас навсегда.

- Заболел? - осторожно спросил я.

- Как будто был здоров, но по окончании всех работ вдруг сказал, что уйдет от нас после освящения храма. Так и случилось. Вечером сказал жене, чтобы не очень печалилась, потому что уходит он в лучший мир, а утром попросил ее поцеловать его в лоб - и ушел.

Я опустил голову. Мне было не по себе. Я чувствовал себя таким маленьким человечком по сравнению с покойным мужем любимой Танечки ... Отец Александр заметил это и сказал Татьяне:

- Не расстраивайся, дочь моя. Все будет хорошо у вас, если любовь будет между вами. Подбодри этого поникшего отрока. Ему не просто сейчас.

Мы ушли с надеждой на лучшее. Едва вошли в дверь, зазвенел мой сотовый телефон. Меня удивила хорошая слышимость. Видимо, где-то близко была станция сотовой связи. Редактор спросил, как дела. Я ответил, что произошло много неожиданного и статьи не будет, так как я теперь стал утятинцем.

- Ты уволен, - прогремел после паузы его голос.

- Спасибо, - был мой ответ.

28 июня 2018 года.

Преступление в Энске

Александр Сергеевич Пугачев молча барабанил пальцами по столу.

Майор не мог понять мотивов страшного убийства на улице Льва Толстого 15а.

Пока еще не мог.

Убийство произошло, по мнению экспертов, примерно между двадцатью и двадцатью двумя часами вечера. Дверь в квартиру не была взломана. Мощная металлическая дверь с двумя сложными замками.

Консьержка этого элитного дома уверяет, что за час до убийства некая бледная дама попросила ее прочитать фамилию человека, к которому якобы дама шла в гости, — и она, не успев прочитать даже, потеряла сознание. Бумажка не была обнаружена. Ясно, что там было нечто вроде хлороформа. Или что-то еще сильнее. Выхода дамы из дома очнувшаяся консьержка не наблюдала.

Видеокамеры зафиксировали вход и выход дамы, однако эксперты убеждены в том, что это была не дама, это был мужчина в женской одежде. Довольно старый мужчина.

Экспериментальный хронометраж показал, что открыть данную дверь ее ключами, убить четверых человек, а затем закрыть и запереть дверь можно за две минуты плюс-минус пятнадцать секунд, а спуститься по данной лестнице с девятого этажа на первый требует в зависимости от возраста человека от одной до четырех-пяти минут. На лифте — гораздо меньше. Впрочем, лифт можно долго ждать.

Видеокамеры зарегистрировали выход убийцы через восемь минут после входа.

Выстрелов никто в доме не слышал. Возможно, был применен пистолет с глушителем. Но зачем разрывные пули? И почему даже мальчик убит?

Убито четверо:

Талин Михаил Никанорович, глава семьи, мужчина весьма старый, возраст 87 лет;

Талин Володар Михайлович, сын его, возраст — 57 лет;

Талин Стас Володарович, внук, возраст — 32 года;

Талин Митя, правнук, мальчик семи лет.

При этом старший Талин поражен тремя выстрелами, каждый из которых смертелен: в голову, в живот и в пах. Который из выстрелов был первый? Видимо, в пах. Или в живот? Хватило бы и одного. Почему тогда три? Скорее всего, причина — ярость. Ненависть лютая.

Одни мужчины были в тот момент дома ... Убийца специально выбрал время, когда только мужчины находились в квартире? Искоренял род, фамилию, так сказать?

Зачем? Почему? Или это случайность? А где были женщины в тот миг, куда девались?

Жена старика Михаила умерла год назад от онкологии. Была бы тоже убита? Вполне возможно.

Жена Володара ушла от него еще лет шесть назад после многих длительных скандалов с мужем из-за его молодой любовницы, которая затем сама его бросила и удачно вышла за другого. Больше Володар не женился. Стало быть, и

здесь понятно отсутствие лица женского пола в момент преступления.

Жена Стаса за неделю до этого страшного убийства улетела в Крым на лечение в какой-то санаторий. Соседи утверждают, что скандалит с мужем. Да и с другими членами семьи — тоже. Что она очень нервная.

Выходит, женщины тоже получили бы разрывную полую? Впрочем, не это теперь важно. Важен мотив. Надо еще раз обыскать квартиру, вдруг найдется какая-то улика!

Тщательнейший обыск не дал результатов. Сама квартира поразила сыщиков: огромная, шестикомнатная. Каждая чета имела свою спальню, свою ванную и свой туалет. Общими были только салон, где произошло убийство, и библиотека. Таких квартир в доме — восемь. А такой дом в Энске вообще один. Галин-старший был когда-то мэром города, пока его не вытеснил более молодой и энергичный деятель. Но старик успел построить этот дом и шикарную квартиру в нем купил, видно, по льготной цене.

Все сотрудники отдела в эти дни были заняты разными важными делами, требующими большой затраты времени.. Майору предстояло положиться на практиканта и на себя самого.

- А знаем ли мы, что вообще представлял собой этот Михаил Никанорович? - спросил Пугачев стажера из Москвы, молоденького лейтенанта Петра Смирнова. - Не в его ли прошлом разгадка мотива убийства? Как думаешь?

- Конечно! В этом, - улыбнулся радостно Смирнов. - Я вообще убежден в том, что в той или иной форме всегда верна старая формула раскрытия любого преступления: «шерше ля фам!» Ищите женщину — найдете мотивы — раскроете преступление!

- Собери-ка ты, Смирнов, все возможное на этого покойника. Опроси соседей по дому, бывших сослуживцев и так далее. Вплоть до одноклассников. Короче, выясни его биографию. Широко бери и глубоко паши.

- Не маленький, опрошу всех возможных. Заодно и на других убитых поищу материальчик. Вдруг ...

- Я думаю, это лишнее. Ему не зря достались три пули. Хотя ... Ладно, действуй. И докладывай мне два раза в день. Чтобы я после тебе доложил наверх. Там тревожатся. Я думаю, начать надо с допроса курортницы.

- Почему?

- Мне мое чутье подсказывает, что у нее могли выкрасть ключи от квартиры или сделать с них слепки. Тогда войти стало бы совсем просто.

А консьержку вырубить — хлороформ. Его достать умному преступнику труда не составит. Немного, на один глубокий вдох. Есть аптеки, есть больницы, есть уголовники.

- Товарищ майор, вы гений!

- Лъстец ты, Петр! Давай действуй, я буду помогать. Я полагаю, три пули в старшего Талина говорят о том, что именно он был предметом ненависти для убийцы. Он — и заодно уже весь его род. Кто-то из прошлого должен был его сильно, очень сильно ненавидеть. Могла и зависть примешаться, зависть к богатому, процветающему и так далее врагу, обидчику, насмешнику и так далее со стороны бедного, нищего и так далее ...

Следователи работали напряженно.

Было опрошено множество свидетелей — людей, знавших Михаила Никаноровича Талина: одноклассники, бывшие студенты вуза, бывшие его сотрудники и подчиненные, бывшие соседи. Беседовали с его бывшими друзьями, приятелями, с бывшими любовницами и с врагами, которых тоже, как стало ясно, было немало.

Однако многие из них ушли уже в мир иной и не могли ни убить, ни дать ценных показаний.

Наконец, вырисовалась биография убитого, которую лейтенант зачитал своему начальнику, прикрывшему глаза для повышения внимания.

- Талин родился в семье слесаря-сантехника и медсестры, учился в школе прилежно. Хулиганил на уроках исподтишка. Участвовал в драках, был в них жесток. Уже в пятом классе после уроков запер дверь и изнасиловал соседку по парте, за что едва не был убит ее отцом. После этого взят на учет. Возможно, были и другие случаи, но иных жалоб не поступало. Отец изнасилованной девочки давно умер, сама она уже старушка, вдова, имеет детей и внуков ...

- Ясно. Тут без мотивов к убийству.

- В возрасте пятнадцати лет Талин стал любовником молоденькой классной руководительницы и одновременно двух одноклассниц.

- Да, вот это самец! Не часто таких встретишь!

- Был физически сильным, занимался в спортивных секциях. Но драк избегал и первым не задирался. Если все же драка случалась, то был жесток, как и прежде. Старался сдружиться с умными старшеклассниками, перенимал их шутки, повадки, завел тетрадь анекдотов.

Затем служил в армии, в роте связи. Служил исправно. В боевых действиях не участвовал. Ходил часто в увольнительные благодаря доброму отношению ротного, любителя анекдотов.

- Пора нам написать брошюрку о пользе анекдотов для карьерного роста.

Возьмешься?

- Нет. Это не по нашей части. Талин встречался с девушкой, которая родила мальчика. Она на алименты не подавала, так как тут же удачно вышла замуж, ее муж признал ребенка своим. Хотя знал, кто отец на самом деле.

У него был бы мотив, но он уже ушел из жизни.

После армии Талин поступил на исторический факультет, который закончил удовлетворительно.

Уже на первом курсе вуза сожительствовал с несколькими студентками, одна из которых родила мальчика. Претензий девушка не предъявляла к Талину. Но он под давлением студенческой общественности женился на ней.

В семье вел себя грубо, жене изменял, но не бросал ее, боясь ее суицида, которым нервная молодая женщина угрожала ему постоянно.

Окончив институт, Талин направлен на работу в районный городок директором школы. Сожительствовал с завучем, незамужней женщиной, а также с несколькими другими жительницами городка, где работал. Все они не были замужем, претензий не предъявляли. Мотивов здесь нет со стороны мужчин. Проверено.

А вот среди любовниц Талина была и врач-стоматолог Мира Сергеевна Балалайкина, одна из бывших одноклассниц его, которую он еще в школьное время лишил невинности с ее согласия. Эта школьница делила его постель со своей подругой. Все трое учащихся были довольны этой ситуацией. Да, Талин был силен как мужчина еще в школе и не утратил этой силы позднее до глубокой старости.

- Это вызывает уважение. Давай о Балалайкиной!

- Балалайкина изменяла мужу не только с Талиным, но также и с другими мужчинами, о чем ее супруг, инженер небольшого завода Иван Григорьевич Бломбин, знал, но не разводился с ней, как сам он говорил собутыльникам, ради троих детей. Детей своих он и в самом деле обожал и делал все возможное для их воспитания: проводил с ними беседы о мироздании, о новых открытиях науки, об истории, а также о морали; старшего сына отдал в школу с английским уклоном, так как заметил у него способности к языкам; дочь отдал в музыкальную школу на класс скрипки и следил за ее успехами тщательно; младшего сына привел в художественную школу, где педагоги сразу обратили на его дар внимание. Теперь о работе. Бломбин был рядовым технологом, не стремился к карьере, хотя делал ценные рационализаторские предложения, его звали на помощь в другие цеха, где появлялось так называемое «узкое место», и он сразу или через пару дней находил решение проблемы.

К этому привыкли и его больше не приглашали на другие должности. Он никогда не оставался на работе по окончании рабочего времени, сразу мчался домой, чтобы заняться детьми и ...

Лейтенант запнулся.

- Ты чего, Петр? - спросил майор удивленно.

- Понимаете, он спешил готовить пищу, стирать белье, мыть полы — и тому подобную бабью работу.

- Не бабью, товарищ лейтенант, а женскую. Женскую!
 - Так точно, женскую. Но это же ... Ладно. Бломбин хорошо играл в шахматы, входил в городскую сборную команду, куда вошел и Талин. Они как бы подружились, часто выпивали вместе, Талин рассказывал новому другу не раз о своей близости с Балалайкиной, о связи былой и нынешней, но инженер в те дни на это не реагировал никакими словами или действиями.
 - Внешне не реагировал. Петя. Внешне. А в душе ...
 - Возможно, Талин даже испытывал добрые чувства по отношению к Бломбину, жалел его. Но возможно и иное, то есть имело место издевательство — прикрытое, злорадное.
 - И тот это раскусил, и ненависть в нем родилась и росла с годами! И что-то его удерживало от убийства. Что? Наверно, дети. Ну да, любимые дети. Пока не стали твердо на ноги, не утвердились в жизни.
 - Наверно. В то время Талин увлекся молодой девушкой, которая родила от него ребенка, не требуя алиментов. Когда этой девушке предложили обратиться в суд, она отказалась и заявила, что сама хотела ребенка от Талина. Что поэтому не будет ничего требовать. Что просто благодарна ему за то, что было между ними.
 - Такое бывает. Других ухажеров у нее не было?
 - Нет, почему-то не было. Замуж вышла только через много лет за вдовца с тремя детьми. Обоих уже нет в живых. А вот важное!
- Талин не только знал массу анекдотов, но и умело их рассказывал. Благодаря этому он сумел понравиться самому губернатору, который сделал его мэром городка, и тот покинул школу, где не проработал и трех месяцев.

- А мы с тобой много знаем анекдотов, Петя?

- Да уж не меньше убитого. Думаю так. Став мэром, Талин изменил образ жизни. Как бы остепенился. Он разошелся с женой, которая стала неврастеничкой и скандалисткой, теперь уже не побоялся возможного ее суицида и женился на племяннице губернатора, которую увел от мужа, после чего был переведен на работу в областной центр. Этот муж племянницы, немец, тут же эмигрировал в Германию, там женился, хорошо устроился. Впрочем, и его уже нет в живых.
 - Ясно. Дальше.
 - В областном городе Михаил Никанорович весьма успешно занялся бизнесом с помощью новой родни, стал миллионером, купил ту квартиру, где его потом убили, а также приобрел роскошную дачу за городом.
- У Талиных была прислуга в квартире, готовившая хозяевам пищу и убиравшая в квартире. Она не жила с ними, ей помогли приобрести скромное жилье на окраине. С ней Талин тоже сожительствовал, пока она не состарилась. Но эта женщина - вдова, жила с двумя дочерьми, обеих вырастила, выучила и выдала замуж удачно. Здесь нет мотива явного.
- Все же надо еще раз все перепроверить. Мало ли что упущено. Продолжай, Петр!

- Хорошо, перепроверим. Собрав всю семью, Михаил Никанорович оставил дела, передав их потомству, и снова взялся за бл ... за женщин. Особенно после того, как похоронил жену. В основном он приглашал студенток. Приезжих. Не подрабатывающих. Вот и все, что нарыто.

- М-да. Не густо. Опрашивал студенток? Их дружков?

- Так точно, всех опрашивал. Данные сотового и настольного телефонов убитого позволили мне выйти на два с лишним десятка девиц и их дружков. Проверил и его записную книжку со строчками на девиц. Те же лица там. Всех девиц и их дружков допросил и делал очные ставки при малейшем подозрении. У студенток все чисто.

- Уверен? Всех опросил?

- Абсолютно.

- Но кто же так люто ненавидел? Кто убийца Талина?

- Судя по всему, больше всех могло накопиться злобы у Бломбина

- Что-то не верится, что такой рохля мог решиться на жестокое убийство.

Выкладывай все, что нарыл.

- Кое-что я уже доложил. Добавляю.

Сын матери-одиночки, врача-рентгенолога. Родила она его поздно, в сорок три года, едва не умерла при этом. Сына своего обожала и баловала. Он учился прилежно.

Затем Бломбин в армии служит как механик-водитель БТР, Служит исправно. Но однажды при ссоре один солдат обозвал его «мозгляком никудышним» — и получил удар ногой в пах, отчего потерял сознание. Но Бломбин продолжал бить его сапогами. Был подвергнут за это наказанию, но дело было замято командованием батальона, чтобы не позориться.

- Так, хватит, все ясно, даем розыск на него! Именно он мог сильнее всех ненавидеть покойного и совершить такую зверскую расправу. И при этом впадал все сильнее в такую ярость, что и мальчика убил ...

- А вдруг все же не он убийца?

- Вот что, лейтенант, слетай-ка ты к морю, поплавай малость, а заодно допроси дамочку, покажи ей портретики возможных убийц, в том числе и Бломбина, конечно. До того, как ей на лицо наложили хлороформ, она видела человека. И она его должна опознать. Этот человек либо убийца, либо сообщник.

- Если дама не признает никого на фотках?

- Вряд ли никого не признает. Скорее запутается в них. Вероятнее всего, она узнает Бломбина. Но надо, чтобы она в этом призналась. И еще. Посмотри там, на месте, с кем она якшается по романтической линии. Это может помочь. В общем, удачи тебе, Петр!

Прибыв на курорт, лейтенант пошел на пляж. Вскоре он обнаружил искомую даму, и расположился поближе к ней. И вскоре был вознагражден: к женщине подошел атлетически сложенный мужчина в форме спасателя. Они перебросились парой слов, Петр разобрал только одно: «как всегда».

Теперь надо было не упускать из вида даму, а затем — дверь в ее номер. С этим он справился, и снова сыщик был вознагражден: постучав условным стуком, атлет вошел в номер, а вышел только через полчаса.

Тут же постучался и Петр Смирнов.

Женщина открыла дверь, но увидела чужого человека, попыталась дверь закрыть.

Лейтенант показал ей удостоверение, и она, побледнев, впустила его.

- Что вам нужно? - спросила хрипло.

- Очень немного. Меня совершенно не интересует ваш роман с этим симпатичным молодым человеком. Меня интересует убийца вашего мужа. Ваш муж зверски убит.

- Убит?! Вы сказали ... Вы сказали ... Не-ет!

Последнее слово она уже не шептала, а кричала. Петр дал ей воды.

Она выпила несколько глотков. Стуча зубами о стакан. Лейтенант однако же продолжал спрашивать ее.

- Не произошло ли на этих днях чего-нибудь странного с вами? Вспомните, пожалуйста. И говорите правду. Иначе я буду вынужден допрашивать вас в отделении. А это неприятно. Там разговаривают иначе. Там могут вмешаться в допрос более суровые люди. Итак, я слушаю.

- Да. Произошло. Ко мне постучался человек, я открыла, и он прижал к моему лицу что-то душное, и я потеряла сознание.

- Почему вы не спросили, кто там? Он стучал условным стуком? Как ваш друг-спасатель?

- Да. Когда я пришла в себя, то увидела, что сейф открыт, но там все было на месте, он ничего не взял.

- Он сделал слепки с ваших ключей от квартиры!

- Боже мой! Боже мой! Я даже не подумала об этом!

- Посмотрите на эти фотографии, кто-нибудь похож на того человека?

- Вот этот. Кажется ... Нет, скорее вот этот ... Нет, пожалуй, первый ... Или вон тот ...

- Не волнуйтесь. Закройте глаза, постарайтесь вспомнить того человека. Потом посмотрите на фотки. Ну!

- Точно. Вот этот! Да. Он.

Она показала на Бломбина.

- Вы уверены?

- Да. Это он. Он.

Она зарыдала.

- У вас есть успокоительное?

- Да.

- Примите. О нашем разговоре никому не сообщайте, даже своему ... приятелю. Спасателю. Вы должны знать также о том, что убит не только ваш супруг. Убиты четверо, от самого старшего мужчины и до мальчика.

- Как? И Митенька? Его-то за что? Ужас, ужас!

- Да, ужасное преступление. Отвратительное. Я думаю, вам следует срочно вернуться в Энск. С билетом на самолет я вам помогу.

- Спасибо, спасибо. Я должна. Немедленно. Да, да.

Они прилетели в одном самолете. Петр сразу же отвез несчастную вдову домой, обеспечил медицинское наблюдение за ней, так как она по мере приближения самолета к городу становилась все более нервной. Позвонил Пугачеву, тот велел явиться немедленно в управление.

Едва был, объявлен розыск по всей стране, на следующий же день в дверь кабинета постучались. Вошел лысый старик среднего роста, прямой, сухощавый, со странным взглядом выцветших глаз.

- Розыск объявили? Портреты развесили? Догадались? Бломбина ищете? Это я. Можно сесть?

Он сел, не дожидаясь ответа, и протянул обе свои руки к Александру Сергеевичу.

- Наденьте мне, пожалуйста, наручники.

- Успеется. Вы пришли с повинной?

- Нет, я пришел рассказать вам, как все было на самом деле. Или вам это не интересно?

В этот момент в кабинет вошел Смирнов. Он опознал преступника.

- Пришли с повинной, Бломбин?

- Я уже ответил на этот вопрос. Никакой повинной. Я бы с удовольствием еще раз расстрелял всю их проклятую семейку. Медленнее. И мучительнее. А еще лучше было бы топором зарубить. Если бы сила была.

- Ну а мальчика-то почему? - не выдержал лейтенант. - Ребенка за что?

- Он вырос бы такой же сволочью. Но главное — я хотел, чтобы старший гад видел эту гибель ... Вам не понять. Вы, я вижу, романтик, хотя и мент. Полагаю, пока вы убийцу вычисляли, вы хорошо ознакомились с биографией этого «патер фамилия». Знаете, какая это была мразь. Поэтому сразу перейду к делу. Предвижу ваши вопросы.

Как мне удалось проникнуть в квартиру, да еще с пистолетом? Да еще с глушителем. Да еще с разрывными пулями. Сейчас я подниму занавес и открою сцену.

Итак, вы уже знаете, наверно, что нервная дама поехала в санаторий. Там ее быстро закадрил местный спасатель. Он приходил к ней каждый день по два-три раза.

Ночью — тоже.

- Мы это знаем.

- Крепкий парень, ха—ха. Он-то мне и помог.

- Как?

- Очень просто. Я подкараулил его условный стук, сам постучался так же, когда он был на дежурстве. Она открыла, я ей прижал к морде платок с хлороформом.

Положил ее на пол, взял из сейфа ключи от квартиры и сделал слепки.

- А как вы открыли сейф? - спросил Пугачев.

- Я легко открыл его, я знаю, как это сделать.

- Каким образом? - восторгнулся Смирнов. - Вы же не работали в разведке!

- Лейтенант не только романтик, он еще и шифровальщик-любитель, - слабо улыбнулся Бломбин. - Нет, господин Смирнов (так вас по фамилии, верно?), вам этого знать не надо. Я инженер, я думающий инженер. Но если бы я и не сумел открыть, вырубил бы ящик из стены. У меня были с собой инструменты в рюкзачке.

- А сигнализация?

- Я ее во всем корпусе отключил до того, - засмеялся преступник громко.

Закашлялся, побагровел, схватился за сердце, вытащил таблетку из кармана, проглотил.

Помолчал.

Лицо его приняло страдальческое выражение.

- Стенокардия. Если бы только она одна!

- И вы, старый, больной человек, пошли на такое преступление?! - не выдержал Смирнов.

Бломбин посмотрел на него удивленно, пожевал тонкими губами и продолжал.

- Я сделал слепки со всех ключей и удалился, перед этим захлопнул дверь, конечно.

Потом прошел на местный рынок, присмотрелся к людям, определил того, кто мне нужен. Он принял было меня за мента, но понял быстро свою ошибку.

Он помог мне сделать ключи по слепкам, приобрести пистолет с глушителем и разрывными пулями, предупредил, что в двери могут быть и другие секреты.

Спросил, будет ли дело мокрым. Я сказал, что да. Но он не расстроился от этого.

Этот друг помог мне с гримом и париком, с женской одеждой. Конечно, я ему хорошо заплатил. Не зря копил деньги на свою месть.

- Вы копили деньги специально на это жестокое бессмысленное убийство?! -

вскочил лейтенант со стула.

- Если бы вы могли замерить силу моей ненависти! Она росла по мере моей болезни. Я знал, что скоро умру. Рак, метастазы ... Операция бесполезна. Химиотерапия только приближает уход из жизни ... А он процветал, как и прежде! Девочек приводил к себе! Я наврал парню только о городе, Москву назвал. На всякий случай. Вдруг его схватят, он расколется, меня самого тоже схватят, и я не успею ...

- Лучше бы вы не успели! - снова не утерпел Петр.

- Это ваша позиция. Я знал, что в доме есть охрана. Подошел на улице к охраннику, когда он хотел войти в дом зачем-то, задал вопрос — и прижал к его лицу тряпку с хлороформом. Это был самый опасный момент. Поэтому пистолет мой был наготове, и парень мог бы пострадать ни за грош ... Странно, что его не потянули на допрос.

- Потянули. Мы знаем, что «дама» и его вырубил.

- Дальше, после консьержки, все шло по плану.

Я открыл дверь, включил свет, все сидели в салоне и смотрели крутой детектив по телевизору. Я убил пацана, чтобы Михаил Никанорович Талин, сука, видел это.

Потом убил остальных. Самого Мишку — последним.

В него я всадил три пули, хотел еще четвертую, но оружие заклинило. Я вышел, дверь захлопнул. Консьержка все еще спала, охранник - тоже.

- Там был и второй охранник, на ваше счастье он уснул, а то бы все было иначе, - мрачно процедил Пугачев.

- Не знал. Прикончив Талиных, я не почувствовал радости. Мне хотелось еще стрелять. А лучше — топором рубить. Потом я лег спать. Но не мог заснуть. Потому что мальчика стало жаль. Не надо было его! Он мог бы стать не сволочью. А хорошим человеком ...

Принял я снотворное. Заснул. Снились убитые ...

Потом стал ходить в рестораны, пить, снял как-то проститутку. Но ничего у меня не вышло. Силы и деньги мои таяли, я сам хотел явиться к вам, но не с повинной, а с рассказом. Все же решил сперва дать вам поработать. Так сказать, себя проявить. Потом мне все надоело. Пришел к вам. Но не с повинной, а с этим рассказом.

- Это все? - спросил майор.

- Нет, не все. Из-за рака простаты с множеством метастазов у меня адские боли, поэтому принимаю наркотики, чтобы их унять. Стал наркоманом, видно. Врачи сказали, что жить осталось две недели. Так что можете осуждать меня на пожизненное. На эти две недели.

- Это суд решит. А что за странная фамилия у вас, что за Бломбин? - спросила Смирнов.

- А-а, это из-за пятна. В метриках было «Плошкин», да вот кто-то пятно на

фамилию посадил.

Первую букву фамилии пятно залило почти всю, третью и четвертую — совсем, видно было «...ло ...» и «...ин». чиновники решили поставить «Б» и «бм», так им показалось. Вот и вышел Бломбин.

Я, когда паспорт получал, подумал, что «Плошкин» хуже, остался «Бломбиным». Наверно, зря, потому что чужую судьбу получил.

- Это мистика. Судьбу свою вы сами построили. У меня тоже к вам вопрос, гражданин Плошкин, - обратился к преступнику Пугачев. - Почему вы женились на этой Балалайкиной? Вы ведь знали, что она слаба на перед?

- Знал. Почему на ней женился? Ладно, скажу. Хоть и стыдно. Да теперь уж все равно, не до стыда. А вам вдруг пригодится в других делах. Мне было всего шестнадцать, когда меня заманила соседка-пенсионерка и напоила водкой. Я до этого не пил, раскис, конечно, и тут она стала мне ... в общем, оральный секс. Потом просто меня зазывала, и я заходил к ней, получал свое удовольствие.

Когда познакомился с Балалайкиной, у меня уже был печальный опыт. Я не мог ... ну ... вставить, что ли. Несколько девушек меня обсмеяли. Рассказал ей первой, когда с ней легли, в чем дело. Она хохотала. Я совсем расстроился, но она как-то ловко начала с орального и — бац! - перешла на нормальный секс. Это было куда лучше! Я был ей так благодарен!

- И женился на ней поэтому? - догадался Петр.

- Да. И всю жизнь росли рога у меня. Как у северного оленя. Правда, дети все — мои. Это по лицам видно. Все в меня лицом. И телом — тоже. За это ей тоже спасибо. И вообще она не плохая женщина. Если не считать ... Ее я убить не смог бы. Мать детей моих ... Ну, надевайте наручники. Если успеете. Ха-ха.

Бломбин надкусил кончик воротника. Лицо его покраснело. посинело, глаза выкатились, он дернулся — и затих. Навсегда.

Майор вызвал медиков и позвонил офицеру, дежурному по управлению.

- Так кончали свою жизнь схваченные фашистские шпионы, - сказал лейтенант. - Наверно, этот Бломбин и в самом деле мучился от того, что мальчишку убил.

Потому и пил горькую. И наркотики принимал.

- Нет, он больше мучился от острой физической боли. Ему поэтому вполне законно давали наркотики. Возможно, и на убийство его толкнули зависть, ненависть плюс онкология и наркозависимость. До его болезни это был, как мы с тобой узнали, человек, не способный долго ненавидеть. Был способен на вспышку гнева, но став наркоманом, он закономерно стал другим человеком.

- И все же «шерше ля фам», именно ревность была мотивом. Жена неверная толкнула его на убийство.

- Хорошо, что все их дети живут в других странах и не узнают ничего.

- Товарищ майор, двадцать первый век! Телевидение! Интернет! Социальные сети! Ю-тьюб, Фейсбук, Яндекс, Твиттер! И еще, и еще ...

- И еще — соседи! Всегда найдутся среди них желающие дать информацию! И не только нам с тобой, а чаще вовсе не нам, но зато куда более широкую.

- Может, эксгумировать его жену, а?

- Ну, если кто-то потребует ... А пока — за работу, несколько дел не законченных ждут твоего «шерше»! Помогай, Петр, все мои ребята заняты по горло!

- Есть помогать! А мне почему-то жаль Бломбина, Плошкина. Все могло бы быть иначе у него в жизни. Если бы он женился на другой женщине.

- Петя, там где сказала свое слово смерть, уже никакие «бы» невозможны.

Возникла пауза: оба офицера задумались, каждый — о своем.

23 сентября 2018 года.

Наташа и Альварес

Был вечер. Обычный зимний вечер. Наташа Свиридова возвращалась из музыкального училища, где училась по классу фортепьяно у знаменитого педагога и подавала немалые надежды. Она шла по тихой улице Банной, не торопясь. Прошла мимо старой бани, где не раз снимала номер с другом Коляном, известным домушником.

Да, девушка из благополучной семьи была любовницей вора.

- Здравствуйте, Наташа! - раздался мужской голос.

Незнакомец был молод, симпатичен, но Наташа не любила уличных знакомств. Она их всячески избегала. Это было далеко не просто, так как яркая красота девушки привлекала молодых людей, в том числе и нахальных.

- Я вас не знаю, - холодно произнесла она и попыталась пройти мимо незнакомца. Но он стал перед ней, и она тоже остановилась.

- Наташа, уделите мне пару минут. Не более, - сказал он.

Что-то в его голосе заставило ее подчиниться. Она была встревожена, ей чудилась грозная опасность. Но она держала себя в руках и не показывала своего страха.

- Наташа, я лейтенант Козин, работник весьма авторитетного учреждения. Вы нас интересуете, - сказал незнакомец и показал ей удостоверение.

- Что же вас заинтересовало в обычной пианистке-студентке?

- Не в обычной. Вы очень красивы, вы умница, вы владеете испанским языком в совершенстве благодаря своему отцу и неплохо знаете английский благодаря своей

матери. Эти качества привлекли наше внимание и мы хотели бы предложить вам сотрудничество.

- Стукачкой сделать меня хотите? Никогда!

- Не надо кричать. Это неприлично. Для внучки потомственного испанского дворянина, да еще и революционера, принявшего некогда советское гражданство.

- Да, мой дед был испанец. Поэтому у нас в семье испанский язык - родной наравне с русским.

- Прекрасно, прекрасно. Ваша мама преподает английский, она два года жила в Англии, училась в престижном учебном заведении. Это очень хорошо.

- Для меня - да. А для вас - ...

- Наташа, вы удивительная девушка. Я влюбился бы в вас. если бы не был женат на такой же милой девушке. Но предложить мы вам хотим не доносить на товарищей, а совсем другую карьеру. Мы хотим предложить вам стать нашей разведчицей за рубежом. Вы могли бы оказать стране неоценимую помощь в ее внешней политике. И расстаться со своим уголовным любовником - тоже.

- А вот это уже не ваше дело.

- Я лично считаю, что ваш роман с этим ворюгой Коляном Князем пора прекратить. Не ваше это.

- Колян обожает меня. Вы не знаете, каким нежным и заботливым он может быть.

- Но он ворюга!

- Не говорите так! Он романтик кражи! Он авторитет! Его уважают все воры!

- Хорошо, давайте обратимся к вашим родителям и спросим их мнение об этом вашем романе!

- Это было бы подло с вашей стороны!

- Правильно. Вот потому мы и не информируем их. Но вы подумайте, пожалуйста, о нашем предложении. Вы ведь патриотка родины своей. Как пианистка вы тоже были бы полезны, но как наша разведчица - во сто крат полезнее. Нет, в тысячу раз полезнее. Итак, я буду ждать вашего решения. Надеюсь, что положительного решения. Запомните, пожалуйста. мой телефон.

Он назвал номер телефона. Попросил повторить его. Сказал о погоде пару слов, о бане - и снова попросил повторить номер своего телефона. Она помнила.

Прошел месяц. Наташа никому не рассказывала о встрече с Козиным и даже начала забывать о ней. И тут пришла беда: при ограблении квартиры старого пенсионера-полковника Колян получил смертельное ранение. Полковник трижды выстрелил в него из именного пистолета, подаренного самим министром.

Он тут же вызвал "Скорую помощь" и стражей порядка, но им осталось лишь запротоколировать смерть несчастного Коляна.

Наташа едва не сошла с ума от горя. Родителям ничего не объясняла. Только рыдала и рыдала, на занятия не ходила. Все же время брало свое: рыдания утихли, хотя плач то и дело приходил.

Из училища ее отчислили за прогул. Но это ее не расстроило нисколько. Она хотела бежать далеко-далеко, забыв, что нельзя убежать от самой себя.

Наталья Свиридова позвонила Козину. Он не выразил никаких эмоций, но назначил ей встречу на улице Лермонтова, в частном домике. Это удивило и насторожило девушку, но она пришла.

Позвонила, как он инструктировал: два длинных звонка и три коротких. Дверь открыла молодая женщина. Она улыбнулась и сказала, чуть окая на соответствующих гласных звуках:

- Здравствуй, Наташа. Проходи. Я ждала тебя. Мне звонил Козин. Проходи. проходи, не стесняйся.

- Когда придет Козин?

- Он не придет. Теперь ты будешь иметь дело со мной. Если ты, конечно, не против. Меня зовут Алена.

- Да мне все равно. с кем иметь дело.. А чей это китель на вешалке?

- Мой.

- Вы капитан? Если верить погонам.

- Да.

- Вы работали за рубежом?

- Да. Я владею языками. Русским, как слышишь. Украинским - от папы. Немецким - от мамы. Испанский сама выучила. Английский изучала в школе и в вузе. Нравится мне этот язык. Еще вопросы будут?

- Извините, я повела себя не совсем тактично.

- Ты славная девчонка. Я разбираюсь в людях. У меня могла бы быть дочь твоего возраста. Но ...

- Аборт?

- Да. Если хочешь, я буду как бы твоей второй мамой. Крестной. что ли. И надеюсь, что мы сработаемся.

- Разве мы будем работать вместе?

- Да. ..

- Разве я не пойду в разведшколу?

- Пойдешь. Но прежде всего нам надо подумать о том, как объяснить все твоим родителям.

- Они должны знать правду.

- Согласна. Но они будут возражать против твоей работы новой. Это понятно?

- А я думаю, что они согласятся. Хотя и с болью в душе.

Родители Наташи, действительно, согласились. И с болью в душе, видимо. Затем девушка восстановилась в музыкальном училище не без помощи какого-то телефонного звонка, окончила его и переехала туда, где была музыкальная школа и ... разведшкола. Она преподавала в детсктй музыкальной школе, но это было лишь для сохранения ее естественной биографии, то есть всего два ученика, это по полтора часа в дни преподавания специальности, фортепьяно.

Через два года Наталья Свиридова успешно окончила разведшколу. Это была совсем другая девушка. Она владела приемами самообороны без оружия, отлично стреляла из пистолета, умела водить не только авто и мотоцикл, но и самолет. Она могла бросить нож и поразить мишень с силой, которой не ожидала в себе. Она могла скакать верхом на лошади и ездить на верблюде.

Она была лейтенантом самой мощной разведки в мире.

А что же Алена? Наташа про нее не забыла. Но о ней не было никаких сведений.

Между тем, по приказу руководства Свиридова выбыла в Лондон с заданием завербовать, а еще лучше женить на себе, какого-либо важного человека из одной из южноамериканских стран - не только для сбора информации, но и для активных действий по установлению особых отношений между этой страной и Россией. Она поступила в университет Оксфорда на отделение менеджмента, внеся нужную сумму и сдав вступительные экзамены. Как было ей предложено руководством.

За день до этого произошла встреча с Аленой, которая ей во время этого мимолетного свидания на улице указала ее цель в Оксфорде. Хуан Антонио Альварес, студент того же отделения, очень богатый вдовец, обладающий серьезными связями в своей стране. Показала фото. И в этот момент показалось Свиридовой, что живой Альварес где-то рядом.

Алена также огорошила Наташу тем, что ее связь с центром, возможно, возобновится лишь после того, как она сумеет уехать вместе с Альваресом в его страну. Цель та же — толчок к улучшению отношений а Россией. Связь будет восстановлена после вербовки Хуана Антонио. Наташа нервничала, она разуверилась в самой себе и своих способностях.

Прошел еще один месяц. Хотя Свиридова всячески старалась обратить на себя внимание Альвареса, одеваясь вызывающе сексуально и как бы случайно встречаясь на его пути, дело не продвигалось Хуан Антонио был вежлив и холоден с ней как в аудиториях. так и на улице.

Алена снова объявилась. Дни их возможных встреч были понедельник и четверг. Место встречи также определялось точно. И вот, наконец. новая встреча. Алена была сердита, нервна.

- Ты медлишь, дорогая. Ты бездействуешь, - шипела она за столиком каже, где они ели что-то восточное. - Больше напора, больше секса, больше зазывности глаз!
- Он равнодушен. - так же злобно прошипела в ответ Наташа. - Он знать меня не желает.

Тут она заметила за соседним столиком молодого человека, которого не однажды видела рядом с Альваресом. Это ее насторожило, так как паренек не был студентом, но она ничего не сказала своей подруге.

Однако на следующий день чудо свершилось!

- Вы все одна и одна? - услышала она приятный голос.

Это был Альварес.

- Да, - ответила Наташа, - как обычно.

- Вы красивая. Вы молодая. Почему всегда одна? - спросил мужчина. - Это ненормально.

- Вы тоже всегда один, хотя вы мужчина не из последних.

- Ну, у меня другое дело. Я потерял любимую женщину.

- Вон что. Извините, не знала. Но у меня та же ситуация. До свидания, Хуан Антонио. Теперь я буду не только здороваться с вами, но и уважать вас.

- Я вас - тоже.

Они разошлись. Наташа ругала себя: не смогла продолжить этот разговор, зацепиться за него. Но зря ругала, так как на следующий день Альварес приветливо с ней поздоровался и спросил, какими языками она владеет, кроме английского.

- Неужели мой английский так плох? - искренне расстроилась она.

- Нет, он не так уж плох ...

- Вы предпочли бы испанский, дон Альварес?

- А вы понимаете?

Она в ответ перешла на испанский язык, удивив собеседника изрядно.

Объяснила. Рассказала о родителях подробно и правдиво. Он внимательно выслушал историю ее семьи и выразил сочувствие ее предкам.

- Россия - не лучшее место для проживания, - сказал.

- Ничего подобного. вы не были в России и не знаете ... Ладно, попросаемся, мне пора обедать.

- Натали, мне тоже пора обедать. Давайте вместе пообедаем. Тут недалеко есть чудный ресторанчик.

- Дорогой?

- Для вас это имеет значение?

- Да. Мои родители оплачивают мою учебу здесь без учета дорогих ресторанов. Они не настолько богаты. Хотя и не бедны.

- Нет, тот ресторанчик не из дорогих. Зато там вкусно.

- Уговорили.

Действительно, все заказанное оказалось вкусно. Но когда официант подал им счет, девушка расстроилась. Альварес заметил это и засмеялся.

- Натали, сегодня оплачу я. В следующий раз вы сами выберете ресторан и заплатите за обоих.

- Нет, я не хочу ...

- Я не могу допустить, чтобы вы платили вообще. Я все-таки не какой-нибудь прощелыга, я бизнесмен. Ну, не надо расстраиваться. Вы гордая, это хорошо. Но надо меру знать. Чему вас там, в России, учат?

Он вынул бумажник и оплатил обед. И увидел рояль. Спросил официанта, можно ли сыграть. Тот ответил утвердительно, и Хуан Антонио повернулся к Наташе.

- Кажется, вы окончили музыкальное училище? Сыграйте что-нибудь.

Он смотрел на нее внимательно и как-то недобро.

- Дон Альварес, я уже полгода не подходила к инструменту.

- Разыграйтесь, погоняйте гаммы, арпеджио.

Взгляд его еще более обострился как-то.

- Вы сами-то умеете? - спросила она.

- Увы, только на гитаре. Сыграйте, пожалуйста что-нибудь.

Ей показалось, что его глаза струят холод и недоверие. Она побледнела. Но взяла себя в руки и села к инструменту.

Зазвучал "Прелюд" Сергея Рахманинова. Девушка играла уверенно. Она это произведение исполняла не раз в концертах, а уж репетировала бесконечно. Когда прозвучал последний аккорд, раздались аплодисменты. Публика просила еще что-нибудь. И Свиридова исполнила "Лунный свет" Клода Дебюсси.

Новые аплодисменты, новые просьбы - и "Грезы любви" Ференца Листа. И еще, и еще ... После "Ночной серенады" Франца Шуберта, которую она не только играла, но и пела на немецком, один из слушателей, пожилой мужчина, подошел к ней и что-то горячо говорил по-немецки. Наташа не все понимала, но прикладывала благодарную руку к сердцу.

Тут подошел Альварес, взял ее за руку, и вернул за столик, сказав громко:

- Музыканты - не роботы. Дама устала.

Он взял ее руки в свои, преодолев ее слабое сопротивление, и поцеловал их нежно.

При этом глаза его не выражали недоверия. Скорее, в них было восхищение. Или даже больше ...

Они вышли из ресторанчика, и Хуан Антонио произнес как-то странно:

- Я не ожидал от тебя ...

- Вам не понравилось, как я играла?

Напротив. Я потрясен. Моя любимая жена, которая погибла в автокатастрофе, тоже играла на фортепьяно. Но ты ... Не ожидал. Так ты действительно окончила музыкальное училище? Гм ...

Через несколько дней Альварес пригласил Наташу в «Ковент Гарден», затем — в музей мадам Тиссо, потом на колесо обозрения. Теперь по воскресеньям они обязательно вдвоем «выполняли культурное мероприятие», как называла это про себя Свиридова. Она уже привыкла к тому, что билеты оплачивал Альварес.

Когда они слушали оперу «Паяцы» Леонкавалло, ария Канио вызвала у нее слезы и едва сдерживаемые рыдания. Хуан Антонио прижал ее к себе и на ухо шептал успокоительные слова. Она положила головку ему на плечо, и он замер. Вышли они под руку. Молча. А в воздухе уже пахло весной.

В машине он обнял ее и поцеловал. Она ответила на поцелуй. Ей было так хорошо! Она трепетала, ожидая, что Алварес сегодня станет ей близок ... Он однако же не торопился почему-то. Это было странно и тревожно ...

В тот день Хуан Антонио поехал с ней к морю. Они выли и увидели белый красивый корабль. Это была яхта с именем, которое повергло Наташу в ступор. Яхта называлась «Наташа».

- Нравится яхта? - спросила Альварес на чистом русском языке, почти без акцента. - Это имя не твое, это имя моей бабушки, Натальи Долгоруковой. Но теперь оно также и твое. Вот такие дела, Наташа.

Она наслаждалась морским воздухом, подставляла лицо ветру. Вдруг мотор заглох.

Хуан Антонио спустился в трюм. Не дождавшись его, Наташа тоже спустилась в машинное отделение и увидела, что ее друг весь перемазан, с гаечным ключом в руке возится с мотором. Рядом стоит механик. В этот момент мотор заработал. Альварес улыбнулся и сказал механику, что тому еще надо долго учиться работать.

- Ты испортил свой костюм! - вскрикнула девушка.
- Отдадим в химчистку. Или выбросим, - засмеялся он. - Жаль, обнять тебя не могу из-за этого. Ладно. Пошел в душ, потом переоденусь.

Она была потрясена: ее друг все умеет! Ждала его с нетерпением.

Сказала ему, что он настоящий мачо. Переодетый Альварес обнял ее и сказал, что сегодня они не сойдут на берег. Они проведут ночь на море. Она ждала его в своей каюте, она трепетала. И он пришел.

На яхте они впервые отдались друг другу. И это было так прекрасно, что они никак не могли насытиться.

- Знаешь, что? Поедем в сельскую местность. Я тебе покажу кое-что.
- Я устала. не хочется трястись в автобусе.

- Поедем в моей машине, там можно поспать.

Увидев автомобиль Альвареса, Наташа не смогла сдержать возглас удивления: это был "Роллс-Ройс". Хуан Антонио улыбнулся.

- Прошу вас, миледи. Дорога займет около часа, вы успеете вздремнуть.

- Я никогда не ездила в таких ... в таких ...

- Теперь будешь ездить. Ведь мы друзья.

Водитель машины был в форме, но лицо его показалось ей знакомым. Да, это был тот парень, который сидел в ресторане ... которого она видела рядом с Альваресом в университете ...

Она не смогла вздремнуть. Зато сумела собраться с мыслями. И взволновалась, потому что все как будто бы пошло по плану командования.

Через час они выехали на местную дорогу, и вскоре оказались перед одноэтажным продолговатым зданием с очень маленькими окнами.

- Это конюшня? - спросила Наташа.

- Да. Ты умеешь ездить верхом?

- Умею. Но давно не ездила. И потом - я не в брюках.

Он снова как-то странно посмотрел на нее. Молча. Она забеспокоилась. Но тут они вышли из автомобиля и вошли в конюшню. Молодой парень подбежал к Хуану Антонио и радостно его приветствовал по-испански. Кивнул Наташе.

- Рональдо, как видишь, я сегодня вдвоем. Помогите даме с одеждой. И помогите ей взобраться в седло.

- У нас нет спокойных лошадей, синьор.

= Постарайся найти наименее беспокойную лошадь.

Едва Рональдо подвел к переодевшейся девушке вороного красавца, как она легко вспрыгнула в седло, лишь на миг задержав ногу в стремях. Конь заржал и стал на дыбы. Наташа погладила его шею и сказала ему по-испански:

- Хороший мой, красивый! Я люблю тебя! Вперед, милый!

Конь побежал рысью. Лицо Альвареса выражало не меньшее удивление, чем лицо Рональдо.

- А теперь - в галоп! - попросила Наташа.

И конь послушно выполнил ее просьбу.

Рональдо, который все это время не выпускал из рук длинного ремня связи, утер рукавом пот на лбу. Спросил Хуана Антонио, не будет ли тот сам сегодня заниматься выездкой, получил отрицательный ответ, удивился. Удивилась и Наташа, она хотела увидеть, как конь выполняет приказы своего хозяина. Она уже поняла, что он лихой наездник.

Сделав еще пару кругов, Свиридова легко спрыгнула с коня. Она ожидала похвалы из уст Альвареса. Но он молчал, все так же странно глядя на нее. Затем, как бы

очнувшись, спросил:

- И этому тебя тоже научили в музыкальном училище?

Плечи ее опустились, она поняла, что Альварес ее подозревает и, возможно, уже не впервые.

Ответила как бы спокойно:

- Нет, конечно.

- Где же? В разведшколе? Натали, твоя подруга исчезла с горизонта. Ее, кажется, зовут Алена. Тебя это не беспокоит? Ты осталась без связи, бедная? Ай, как скверно! Или связь по определенным дням и в определенных местах? Итак, ты должна была меня завербовать? Зачем? Отвечай, лейтенант Свиридова.

- Вы сущий дьявол, Хуан Антонио!

- Нет, я разведчик. Полковник. И я с удовольствием наблюдал, как ты работаешь, девочка. Но у тебя были проколы, милая. Так зачем же я понадобился российской разведке?

- Надо было добиться установления крепких связей твоей страны и моей, коварный полковник. Но теперь .все пропало.

- Нисколько.

И он расхохотался. Потом снова помрачнел.

- Ты хотела влюбить меня в тебя? По заданию?

- Да. Но я влипла, потому что сама ...

Она махнула рукой и заплакала, сев на землю.

- Не плачь, прекрасная шпионка. Ты добилась цели. Я почти люблю тебя. И прошу твоей руки. Мне нужна именно такая жена, как ты. Мои чувства и моя задача совпадают... Передо мной поставлена такая же задача, как и перед тобой. Мне нужно наладить связь с Россией и добиться крепкой дружбы. Я готов к сотрудничеству, мы ведь друг друга завербовали. Но меня мучит один вопрос. Ты в самом деле питаешь ко мне добрые чувства? Как женщина к мужчине?

Она вскочила, обняла Альвареса, прижалась к нему всем телом и, все еще продолжая плакать, шептала ласковые слова на русском и на испанском, ан английском и снова на русском.

А мужественный полковник гладил ее по голове, по спине и просил успокоиться, потому что все в порядке, все у них будет хорошо.

17 мая 2018 года.